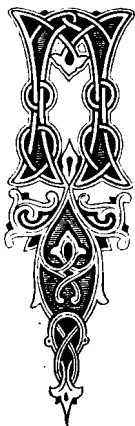

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

(Листочки воспоминаній).

РЕДЛАГАЕМЫЕ листочки заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, воспоминанія о Н. Н. Страховѣ, о многолѣтнемъ сожительствѣ съ которымъ я намѣревался написать больше и подробнѣе, о чемъ даже и упоминалъ въ моей статьѣ «Станиславъ первой степени и енотова шуба» («Историческій Вѣстникъ», февраль 1904 г., т. ХСV). Намѣренія своего я, однако, не могъ выполнить, и именно потому, что въ рассказѣ «Пустынножитель» (Мои сочиненія, т. 2-й, изданіе Вольфа) Страховъ былъ уже мною описанъ, хотя и безъ означенія его фамиліи. Писать о немъ вновь у меня не достало рѣшимости. Пользуясь симъ случаемъ, еще разъ скажу, что онъ былъ человѣкъ необычайно рѣдкой душевной чистоты. Относительно того, что въ рассказѣ «Пустынножитель» описанъ Н. Н. Страховъ, заявилъ Е. Л. Радловъ въ своей статьѣ о немъ, напечатанной вскорѣ послѣ его смерти, послѣдовавшей 24 января 1896 г. Радловъ, такъ сказать, подтвердилъ справедливость евангельскихъ словъ о томъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего тайнаго, которое бы не сдѣлалось явнымъ.

Изъ многихъ другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ и упоминаемыхъ въ предлагаемыхъ листочкахъ, уже никого нѣтъ въ живыхъ, за исключеніемъ только одного Л. Н. Толстого, который тоже въ значительной степени озаренъ лучемъ заката. Озаренъ имъ и я, оканчивающій мой многотревожный путь жизни.

Оглядываюсь по сторонамъ и вижу, какъ порѣдѣло кругомъ, какъ мало уже остается спутниковъ изъ многочисленной когда-то группы современниковъ, шедшихъ по одной со мною дорогѣ.

«Замолкъ привѣтъ сердечныхъ одобреній,
Моихъ друзей разсѣявъ тѣсный кругъ...
Кто мнѣ внималъ, кто радовался лирѣ,—
Въ чужихъ странахъ, въ иномъ блуждаетъ мѣръ».

I.

О нѣкоторыхъ писателяхъ и о старцѣ-схимникѣ.

Оптина пустынь, находящаяся въ Козельскомъ уѣздѣ, въ 4 верстахъ отъ этого города, была когда-то облюбована нѣкоторыми нашими крупными писателями, ѣздившими туда... не знаю, впрочемъ, съ какою цѣлью, можетъ быть, и съ религіозною, а, можетъ быть, и просто такъ, для развлечения и отдыха послѣ утомительныхъ литературныхъ трудовъ.

Вотъ по поводу этого обстоятельства, т. е. посѣщенія Оптиной пустыни нашими извѣстными писателями, я и имѣю намѣреніе кое-что поразсказать. О самой пустыни, конечно, рѣчи не будетъ, ибо я никогда въ ней не бывалъ и не имѣю намѣренія когда-либо посѣтить ее. Конечно,—воля Божія, и закаиваться ни въ чемъ нельзя.

Такъ вотъ эту самую пустынь облюбовали когда-то, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, наши писатели. Кто первый изъ нихъ направился туда—не знаю. Вѣроятно, графъ Л. Н. Толстой, онъ же тамъ, въ Тульской губ., старожилъ, онъ, вѣроятно, слыхалъ, что пустынь интересна и по мѣстоположенію, и образу жизни монашествующей въ ней братіи. Побывали въ ней и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, и Владимиръ Солѳвьевъ, и Николай Николаевичъ Страховъ, котораго графъ Толстой заманилъ туда. Несомнѣнно, онъ заманилъ.

Высказываю это предположеніе утвердительно и на томъ именно основаніи, что Страховъ, пользуясь лѣтними каникулами (онъ занималъ въ то время въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ мѣсто библіотекаря), не разъ живалъ у Толстого въ Ясной Полянѣ, а отъ Ясной Поляны до Оптиной пустыни дорога недалняя.

Замѣчу, между прочимъ, что мѣсто библіотекаря въ императорской публичной библіотекѣ Страховъ занималъ недолго, всего лѣтъ семь-восемь, не болѣе, и оставилъ его, тяготясь службой. Тяготился онъ ею отчасти потому, что сухой воздухъ въ библіо-

текъ (при особомъ отопленіи снизу по трубамъ) дѣйствовалъ вредно на его здоровье, а отчасти и потому, что служба тяготила его своею безсодержательностью и отвлекала при этомъ отъ уединенныхъ кабинетныхъ занятій. Оставить службу ему было, конечно, не легко при той маленькой пенсіи—триста пятьдесятъ рублей,—которую онъ имѣлъ по прежней службѣ (онъ былъ когда-то учителемъ гимназій), но онъ все-таки, хотя и не безъ колебанія, рѣшился оставить мѣсто въ библіотекѣ.

— Ну, что-жъ, доживу какъ-нибудь остатки дней моихъ, — передавалъ онъ мнѣ,—думаю, что ужъ не очень далеко и до пристани... Да много ли мнѣ нужно? Заработаю кой-что писательствомъ...

Къ чести его нужно сказать, что онъ, будучи товарищемъ покойнаго министра финансовъ, И. А. Вышнеградскаго, никогда однако же не заикнулся о томъ, что вотъ, молъ, какая у меня крохотная пенсія. А могъ бы и, конечно, получилъ бы...

Но объ этомъ только, такъ сказать, къ слову.

Извѣстный авторъ книги «Востокъ, Россія и Славянство», Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ, даже жилъ въ этой пустыни,—долго ли—не знаю,—и готовился принять въ ней монашество. Монашества онъ, какъ извѣстно, не принялъ, какъ не принялъ его и на старомъ Аѳонѣ, который тоже посѣтилъ и тоже жилъ тамъ, отыскивая своей тревожной душѣ тихое пристанище—и не нашелъ его нигдѣ, пока не успокоился въ могилѣ.

Кстати сказать, Леонтьевъ метался по бѣлому свѣту долго и всю жизнь томился, не зная, куда себя приспособить. Служилъ онъ и на государственной службѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, занималъ мѣсто при посольствѣ въ Аѳинахъ, но потомъ, по безпокойному своему характеру, службу оставилъ и отправился на Аѳонъ, гдѣ тоже пробылъ недолгое время. Было у него наслѣдственное имѣніе, съ хозяйствомъ котораго онъ справиться не могъ, и имѣніе было продано за долги съ публичнаго торга. Пробовалъ онъ свои силы и въ литературныхъ работахъ и, кромѣ книги «Востокъ, Россія и Славянство», имъ было помѣщено не мало статей по общественнымъ вопросамъ въ журналѣ «Гражданинъ» и въ газетѣ Краевского «Голосъ». Помню, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была помѣщена его повѣсть изъ современной греческой жизни, но помѣщена не вся. Почему она имъ не была окончена—не знаю.

Можетъ быть, съ повѣстью Леонтьева то же случилось, что и съ моей повѣстью «Котъ», которую когда-то прибрѣлъ отъ меня покойный профессоръ Любимовъ, завѣдывавшій въ редакціи «Русскаго Вѣстника» литературнымъ отдѣломъ и напечатавшій лишь

часть моей повѣсти, прекративъ печатать продолженіе именно только потому, что повѣсть не понравилась издателю журнала, М. Н. Каткову.

Катковъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ самовластный и не только съ нашимъ братомъ-писателемъ, но и съ лицами, стоявшими на высокихъ ступеняхъ общественной и государственной жизни, не церемонился. Да проститъ его Богъ за тѣ скорби, которыя я отъ него перенесъ...

Однако не обо мнѣ и не о Катковѣ, и не о редакціи «Русскаго Вѣстника»—рѣчь.

Главнымъ образомъ, такъ сказать, гвоздемъ въ этихъ моихъ краткихъ воспоминаніяхъ будутъ не тѣ писатели, о которыхъ я выше упомянулъ, а ветхій старецъ, монахъ-схимникъ, жившій въ Оптиной Пустыни въ великомъ уединеніи, чуждомъ міра и всего «яже въ мірѣ».

Имѣю я дерзновеніе рассказать о томъ, какъ этотъ старецъ-схимникъ, побѣдившій, повидимому, всѣ человѣческія страсти, вдругъ, во время душеспасительной бесѣды съ однимъ изъ посѣтителей его келіи, обнаружилъ въ себѣ присутствіе нѣкоего бѣса, именно одного изъ тѣхъ, «коихъ родъ ничѣмъ же изымается, токмо молитвою и постомъ». Смѣю думать, что нѣкоторыхъ бѣсовъ изъ этого рода, болѣе другихъ упорныхъ и строптивыхъ, даже ни молитвы, ни посты побѣдить не могутъ. Вотъ объ одномъ изъ такихъ бѣсовъ я и дерзаю нѣчто рассказать, а именно о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ, неожиданно-негаданно, высунулъ свой хвостикъ изъ самаго дна душевныхъ глубинъ схимника и заявилъ о себѣ его устами.

Объ этомъ любопытномъ обстоятельстве я и хочу рассказать «старымъ людямъ на послушаніе, молодымъ—ради памяти».

Старецъ-схимникъ жилъ въ Оптиной пустыни, какъ рассказывали посѣтившіе его писатели, въ великомъ уединеніи, въ особомъ домикѣ, находившемся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другихъ монастырскихъ построекъ. Вотъ именно этотъ домикъ, точнѣе говоря—тѣсную келью, изъ которой одной, собственно, и состоялъ онъ, посѣтили разновременно всѣ вышеупомянутые писатели.

Каждый изъ писателей, разумѣется, по своему относился къ старцу, слушалъ и понималъ его поучительныя рѣчи, по своему обсуждалъ ихъ и обсуждалъ не только по уходѣ изъ его кельи, оставаясь наединѣ съ самимъ собой, но даже въ присутствіи самого старца, возражая на его рѣчи и оспаривая ихъ, развивая и поясняя.

Федоръ Михайловичъ Достоевскій, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы послушно и съ должнымъ смиреніемъ внимать поучитель-

нымъ рѣчамъ старца-схимника, самъ говорилъ больше, чѣмъ онъ, волновался, горячо возражалъ ему, развивалъ и разъяснялъ значеніе произносимыхъ имъ словъ и, незамѣтно для самого себя, изъ чловѣка, желающаго внимать поучительнымъ рѣчамъ, обращался въ учителя.

По рассказамъ Владимира Соловьева (онъ былъ въ Оптиной пустыни вмѣстѣ съ Достоевскимъ), таковымъ былъ Ѳеодоръ Михайловичъ въ сношеніяхъ не только съ монахомъ-схимникомъ, но и со всѣми другими обитателями пустыни, старыми и молодыми, будучи, какъ передавалъ Соловьевъ, въ то время, т. е. во время пребыванія въ Оптиной пустыни, въ весьма возбужденномъ состояніи, что обыкновенно проявлялось въ немъ каждый разъ при приближеніи припадка падучей болѣзни, которой онъ страдалъ. Предъ приближеніемъ припадка—дней за пять, за семь—онъ дѣлался необычайно нервенъ и раздражителенъ, говорилъ много, ни на минуту не умолкая.

Посѣщая по временамъ Николая Николаевича Страхова,—съ которымъ мы прожили въ одной квартирѣ восемнадцать лѣтъ,—онъ изумлялъ меня своей необыкновенной возбужденностью. Сижу, бывало, слушаю, какъ онъ, не умолкая, говоритъ въ продолженіе цѣлаго вечера, и со страхомъ думаю, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ съ ума сойдетъ, такъ возбужденна бывала его рѣчь и такъ быстро, самъ того не замѣчая, онъ перескакивалъ съ одного предмета разговора на другой.—Помню,—разсказывалъ Страховъ,—какъ однажды Ѳеодоръ Михайловичъ, будучи въ подобномъ нервномъ возбужденіи, вдругъ оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ и повалился на полъ въ припадкѣ падучей болѣзни.

Такъ равно и въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ, напечатанныхъ—помните—въ журналѣ «Заря», Страховъ разсказывалъ, какъ Достоевскій, въ припадкѣ падучей болѣзни, свалился на полъ въ то время, когда только что вошелъ въ комнаты, возвратясь изъ церкви послѣ совершенія его второго бракосочетанія.

— Невѣроятно тяжелое впечатлѣніе произвела тогда на меня его болѣзнь,—разсказывалъ мнѣ Николай Николаевичъ,—представьте себѣ—залъ, полный гостей, приглашенныхъ на свадебный пиръ, веселая музыка встрѣчаетъ входящую отъ вѣнца парочку, лакеи суетятся около обѣденнаго стола съ подносами и съ бокалами шампанскаго, слышатся привѣтственные возгласы поздравляющихъ, и вдругъ Ѳеодоръ Михайловичъ роняетъ изъ рукъ бокалъ съ виномъ, падаетъ на полъ и начинаетъ биться въ припадкѣ падучей. Каково положеніе бѣдной невѣсты и всѣхъ собравшихся на свадебный пиръ! Признаюсь, грѣшный чловѣкъ, я не разъ обвинялъ мысленно Ѳеодора Михайловича, затѣявшаго такъ торжественно справлять свою свадьбу. Уже не говорю о томъ, что онъ зналъ о своей болѣзни и могъ предполагать о возможности при-

падка при первой возбужденности,—это само собою разумѣется. Но вѣдь и то нужно принять во вниманіе, что при тогдашнихъ его денежныхъ средствахъ вовсе нехстати было роскошествовать и устраивать свадебный пиръ... Да, да! Онъ вообще въ денежныхъ своихъ дѣлахъ былъ весьма неостороженъ...

Такъ рассказывалъ Николай Николаевичъ, задумчиво, по обыкновенію, покачивая сѣдой головой и, не торопясь, свертывая папиросу.

Федоръ Михайловичъ бывалъ у насъ нельзя сказать, чтобы часто, вѣрнѣе—рѣдко. Въ восемнадцать лѣтъ нашего общаго со Страховымъ житья онъ былъ у насъ, можетъ быть, разъ съ десятокъ, не болѣе. Надо сказать откровенно, собесѣдникъ онъ былъ неудобный, не любилъ, чтобы ему возражали и не только не терпѣлъ возраженій, но даже и вообще прерывать его рѣчь и под-сказывать что-либо не позволялъ. Оборветъ, бывало, каждого, рѣшившагося вставить въ его рѣчь свое слово. «Молчите! Не умничайте!» рѣзко броситъ ему въ отвѣтъ и гнѣвно сверкнетъ глазами. Однажды какъ-то случилось, попалъ онъ къ намъ въ то время, когда у насъ сидѣлъ Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Федоръ Михайловичъ былъ въ мирномъ настроеніи, говорилъ тихимъ тономъ и съ большою медлительностью произносилъ слово за словомъ, что, какъ я сказалъ выше, всегда замѣчалось въ немъ въ первые дни послѣ припадка падучей болѣзни. Владимиръ Сергѣевичъ что-то рассказывалъ, Федоръ Михайловичъ слушалъ, не возражая, но потомъ придвинулъ свое кресло къ креслу, на которомъ сидѣлъ Соловьевъ, и, положивъ ему на плечо руку, сказалъ:

— Ахъ, Владимиръ Сергѣевичъ! Какой ты, смотрю я, хорошій человекъ...

— Благодарю васъ, Федоръ Михайловичъ, за похвалу...

— Погоди благодарить, погоди,—возразилъ Достоевскій,—я еще не все сказалъ. Я добавлю къ своей похвалѣ, что надо бы тебя года на три въ каторжную работу...

— Господи! За что же?..

— А вотъ за то, что ты еще недостаточно хорошъ: тогда—то, послѣ каторги, ты былъ бы совсѣмъ прекрасный и чистый христіанинъ...

Достоевскій, какъ извѣстно, испыталъ каторгу и могъ говорить о ней съ полнымъ знаніемъ дѣла. Соловьевъ засмѣялся и не возражалъ, принимая его замѣчаніе за шутку, но могу предположить, возрази что нибудь Владимиръ Сергѣевичъ, то Достоевскій развилъ-бы свою шутливую мысль до серьезнаго и подробнаго объясненія и, пожалуй-бы, до того разволновался, что при первой же попыткѣ вставить въ его рѣчь замѣчаніе, нервно прошипѣлъ бы:

— Молчите, не возражайте... Не умничайте!..

Вообще, Федоръ Михайловичъ иногда въ разговорахъ своихъ былъ рѣзокъ и даже грубъ.

— Такъ, однажды,—разсказывалъ Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ,—зашелъ къ нему Федоръ Михайловичъ на вечерній чай и уединился съ нимъ въ кабинетъ. Онъ любилъ именно такія уединенныя съ глазу на глазъ бесѣды. Просидѣли они такъ минутъ десять, пятнадцать, вдругъ—звонокъ. Федоръ Михайловичъ встрепенулся.

— Гость? прошипѣлъ онъ, мрачно нахмурясь.

Майковъ пожалъ плечами.

— Поджидаете кого?

— Нѣтъ... Случайно ктонибудь. Можетъ быть, къ женѣ...

— Терпѣть не могу этихъ случайныхъ...

Достоевскій, оживленно до звонка разговаривавшій, вдругъ какъ-то осунулся, сгорбился и, точно улитка, спрятавшаяся въ свою раковину, замолкъ.

Въ залѣ слышались шаги по направленію къ кабинету.

— Къ вамъ кто-то! прошепталъ Достоевскій и быстро поднялся съ кресла.

— Куда вы? Сидите. Можетъ быть, ктонибудь минуты на двѣ...

— Ничего, ничего. Я пережду вотъ здѣсь.

Онъ указалъ на двери, за отворенной половинкой которыхъ стоялъ стулъ.

— Можетъ быть, Богъ дастъ, вы скоро гостя спроводите,—шепотомъ добавилъ онъ, и, спрятавшись за дверью, сѣлъ тамъ на стулъ.

Кто былъ вошедшій—объ этомъ помолчу. Добраго слова о немъ сказать нельзя, а худого говорить не хочется,—Богъ ему судья. Былъ онъ челоѣкъ, примазавшійся къ литературѣ, достаточно безцеремонный, умѣвшій пробираться во всякія щели и именно только для того, чтобы болѣе легкимъ и скорымъ путемъ чтонибудь и гдѣнибудь извлечь для своей особы. Ни служебныхъ правъ, ни литературнаго таланта, ни университетскаго образованія онъ не имѣлъ и околачивался около литературы, перебиваясь то маленькими статейками въ журналахъ, куда пролѣзалъ съ протекціей сильныхъ людей, то услугами редакторамъ, часто даже непрошеннымъ и нежелательнымъ.

Вошелъ онъ въ кабинетъ Майкова и, съ перваго же слова, началъ заливаться лстивыми рѣчами.

— Пришелъ къ вамъ, Аполлонъ Николаевичъ, извините, можетъ быть, и не во время, но не могъ удержаться. Простите! Вотъ, какъ предъ престоломъ самого Господа-Вседержителя говорю—не могъ удержаться: прочиталъ ваше послѣднее стихотвореніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—и умилился. Этакая прелесть! Пойду, думаю, самолично выскажу великому поэту свои искренніе душев-

ные восторги! Превосходное стихотвореніе, Аполлонъ Николаевичъ! Необыкновенное!.. Очень, очень хорошее!.. И Гете, и Шекспиръ охотно подписались бы подъ такимъ стихотвореніемъ... Да что—Гете! Что—Шекспиръ!.. Пусть они тамъ на Западѣ прославляются! Вы—Майковъ и этимъ все сказано! Вы—наша слава, наша гордость...

И долго и много еще выпалилъ восторженныхъ отзыровъ этотъ неожиданно пришедшій гость.

Какъ держалъ себя при этомъ Аполлонъ Николаевичъ—не могу точно сказать. Знаю, что онъ при подобныхъ льстивыхъ рѣчахъ хмурился, видимо стѣсняясь похвалами, и молчалъ, внимательно всматриваясь при этомъ въ свои морщинистыя руки. Случалось мнѣ лично видѣть его въ такомъ смущеніи и слышать, какъ онъ въ подобныхъ случаяхъ шепотомъ замѣчалъ льстецу: «Ну, будетъ, будетъ! Довольно!» Такъ и при льстивыхъ рѣчахъ пришедшаго гостя онъ тоже зашепталъ ему: «Довольно, голубчикъ, довольно»!.. Достоевскій-же, сидѣвшій за дверью, не выдержалъ льстивыхъ рѣчей. Быстро выступивъ изъ за дверей, онъ нервно взмахнулъ обѣими руками и, потрясая ими въ воздухъ, сердито прошипѣлъ.

— Что это за подлецъ говорить?!...

Таковъ былъ въ своихъ нервныхъ порывахъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Гость, разумѣется, растерялся, огорошенный появленіемъ Достоевскаго и его привѣтливымъ восклицаніемъ. Возражать что-либо, оправдываться и объясняться онъ не посмѣлъ и поспѣшилъ, насколько возможно скорѣе, стушеваться.

— Извините, Аполлонъ Николаевичъ,—пробормоталъ онъ, схватившись за фуружку,—мнѣ, признаться, некогда, я только на минутку забѣжалъ...

Не смѣя даже взглянуть на Ѳедора Михайловича, онъ, какъ заяцъ, юркнулъ изъ кабинета на-утекъ, оправдывая ту кличку, подъ которою извѣстенъ былъ въ литературныхъ кружкахъ, именно, кличку—заяцъ.

Какъ велъ себя въ бесѣдѣ со старцами Оптиной пустыни и съ монахомъ-схимникомъ Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ—не знаю. Смѣю предположить, по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ примѣрамъ, что онъ, слушая благочестивые разговоры обитателей пустыни и тихую рѣчь старца-схимника, скучалъ и позѣвывалъ, лѣниво оглядывая стѣны и потолокъ его тѣсной кельи. Увидѣвъ книгу (конечно, таковая должна была у схимника находиться), положимъ, Евангеліе, онъ навѣрное сталъ ее перелистывать и, незамѣтно для самого себя, углубился въ чтеніе.

Говорю объ этомъ не въ шутку, а именно на томъ основаніи, что часто видалъ Владимира Сергѣевича углубившимся въ чтеніе въ то время, когда онъ бывалъ гостемъ въ нашей квартирѣ и приходилъ къ покойному Страхову «побесѣдовать».

Владимиръ Сергѣевичъ бывалъ у насъ, положимъ, не часто, а такъ въ мѣсяцъ разъ или два. Бывалъ онъ, впрочемъ, во время того періода своей ученой и литературной дѣятельности, когда еще не прерывалъ отношеній съ Аксаковымъ и Катковымъ. Потомъ онъ, какъ извѣстно, отсталъ отъ нихъ и вообще прекратилъ всякія сношенія съ литературой такъ называемаго консервативнаго направленія и со всѣми лицами, къ ней принадлежащими, и перекочевалъ въ «Вѣстникъ Европы».

Съ этого времени онъ пересталъ бывать у Страхова, и остались у насъ о немъ только однѣ воспоминанія, въ числѣ которыхъ было памятно и то, какъ онъ иногда, посѣтивъ нашу квартиру, вмѣсто бесѣды, погружался въ чтеніе подвернувшейся ему подъ руку книги и погружался, бывало, настолько глубоко, что даже не слышалъ обращенныхъ къ нему вопросовъ. Случалось, кто-нибудь изъ гостей, одновременно съ нимъ посѣтившихъ Страхова, обратится къ нему съ вопросомъ, и, не получивъ отвѣта, повторить вопросъ; онъ не отвѣчаетъ, не обращая на него вниманія, и, уткнувшись носомъ въ книгу, продолжаетъ читать.

— Владимиръ Сергѣевичъ!—громче прежняго восклицаетъ спрашивавшій.

Онъ молчитъ.

— Владимиръ Сергѣевичъ! Ау! Слышите?

Страховъ улыбается и, оглядывая Владимира Сергѣевича, склонившагося надъ книгой, говоритъ:

— Оставьте его. Развѣ вы не знаете, что онъ, какъ уткнется въ книгу носомъ, такъ и слухъ потеряетъ, и къ близорукости его надо въ это время прибавить и другой еще недостатокъ, а именно—глухоту.

— Владимиръ Сергѣевичъ!—уже кричитъ гость.

Владимиръ Сергѣевичъ, наконецъ, слышитъ возгласъ, изумляется, не понимая, чему смѣется гость Страхова и онъ самъ, и, наконецъ, узнавъ о причинѣ смѣха, самъ начинаетъ визгливо смѣяться.

Такъ, можетъ быть, и въ кельѣ Оптинскаго монаха-схимника онъ увлекался чтеніемъ и смѣялся потомъ самъ надъ собой.

Какъ относился къ ноучительнымъ словамъ старца-схимника Леонтьевъ—тоже не знаю. Судя по тому, каковымъ я зналъ Константина Николаевича въ бесѣдахъ съ другими (со Страховымъ, напримѣръ, и съ гостями, посѣщавшими его), могу предположить, что и онъ, по складу своего нервнаго и порывистаго характера,

не могъ спокойно слушать старческія поученія и, вѣроятно, тоже, подобному Достоевскому, волновался, возражалъ на нихъ, развивалъ, разъяснялъ и, можетъ быть, даже оспаривалъ смыслъ и значеніе словъ, произносимыхъ схимникомъ. Онъ, Леонтьевъ, какъ и Достоевскій, бывалъ нерѣдко въ возбужденномъ состояніи, говорилъ горячо и много, при этомъ часто, съ большою порывистостью, оставлялъ кресло и, быстро шагая по комнатѣ, волновался и размахивалъ руками.

Помню одинъ его разговоръ со Страховымъ о чемъ-то, касавшемся достоинствъ русскаго дворянства, помню, какъ, во время этого разговора, онъ разволновался до того, что близко подскочилъ къ креслу, на которомъ сидѣлъ Страховъ, и, горячо жестикулируя, сказалъ:

— Вамъ не понять этого, Николай Николаевичъ, никогда не понять!

— Но почему же? Позвольте васъ спросить, Константинъ Николаевичъ, почему мнѣ не понять?

— Потому что вы... извините,—вы все-таки семинаристъ...

Страховъ замолчалъ, покачалъ головой и сталъ свертывать съ обычною, свойственною ему, медлительностью папиросу.

Разговоръ этотъ, кончившійся, какъ и слѣдовало, безъ всякихъ пререканій, произвелъ однако же на Страхова непріятное впечатлѣніе—онъ, видимо, обидѣлся за слово «семинаристъ» и не разъ впослѣдствіи при разговорѣ о Леонтьевѣ укоризненно покачивалъ головой и тихо замѣчалъ:

— Да, да. Онъ дворянинъ... но разговариваетъ, хе, хе... не по дворянски.

Кстати сказать, Константинъ Николаевичъ частенько увлекался своими дворянскими привычками, и, да проститъ ему Господь Богъ, высказывалъ иногда не мало претензій, казавшихся даже смѣшными въ его положеніи. Такъ, въ послѣдніе годы своего земного бытія, перенося матеріальные недостатки, граничащіе иногда съ нищетою, онъ ревниво старался сохранить привычки, унаслѣдованныя отъ родителей, имѣвшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Занимая помѣщеніе гдѣ-то въ глухомъ углу въ крестьянской избѣ и будучи въ такомъ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ, казалось бы, ему вовсе было не до дворянскихъ привычекъ, онъ все-таки озабоченно слѣдилъ, чтобы въ его помѣщеніи все было, говоря его словами, «по дворянски». Такъ, на примѣръ, онъ требовалъ настоятельно и строго, чтобы босоногая дѣвчонка, подававшая ему по утрамъ кофе, кланялась, входя въ его помѣщеніе, и—главное—кланялась лично.

— Ты, босоножка, — внушалъ онъ, грозя ей пальцемъ, — ты привыкай вести себя такъ, какъ слѣдуетъ при господахъ. Понимаешь?

— Не... я не понимаю... — потупясь, отвѣчала дѣвчонка.

— Понимай. Учись! — вразумлялъ Константинъ Николаевичъ, — я тебѣ говорю, ты слушай и запоминай. Слышишь?

— Конечно, слышу. Чай, я не глухая, пошто не слышать?...

— Ты не разговаривай. Ты слушай. Во первыхъ, ты не должна-бы являться ко мнѣ въ такомъ обтрепанномъ видѣ, — но Богъ съ тобой: чего нѣтъ, того и требовать нельзя, а во вторыхъ, — и это вотъ самое важное, — ты должна, войдя ко мнѣ, почтительно поклониться и, прежде чѣмъ ставить кофейникъ и посуду на столъ, покрыть столъ скатертью... Ну, положимъ, скатерти у меня нѣтъ, ну — салфеткой, непременно салфеткой и непременно — чистой. Грязную не смѣй на глаза показывать — этого я не могу видѣть!... Бѣдность — бѣдностью, порока въ этомъ нѣтъ, но чистота обязательна при всякомъ положеніи... И относительно поклона тоже скажу тебѣ, слушай. Не нужно такъ низко кланяться, сгибать спину, — кланяйся легче и изящнѣе, голову наклоняй чуть-чуть...

Такъ обучалъ онъ дѣвочку манерамъ.

Онъ даже нищихъ, стоявшихъ съ протянутой рукой на папертахъ у московскихъ церквей, училъ, какъ они должны просить милостыню.

— Не нойте, не протягивайте пѣвуче своихъ просительныхъ словъ, — внушалъ онъ, обдѣляя ихъ грошиками, — довольно молчаливаго поклона и легкаго наклоненія головы... Старайтесь сохранить и въ самой бѣдности сознание человѣческаго достоинства!...

Такъ говорилъ онъ, вразумляя нищету держать себя «благородно.»

О бѣдственномъ своемъ положеніи онъ жаловался въ письмахъ къ пріятелямъ, напечатанныхъ потомъ въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» въ тѣ годы, когда его редактировалъ Анатолій Александровъ.

Но извиняюсь. Я нѣсколько увлекся подробностями...

Николай Николаевичъ Страховъ, такъ сказать, тишайшій изъ литераторовъ и ученыхъ, и графъ Левъ Ник. Толстой, предъ которымъ слѣпые поклонники готовы падать ницъ и ползать на брѣхѣ въ знакъ безграничнаго почитанія его, — оба они, т. е. Страховъ и Толстой, представляли собою совершенную противоположность Достоевскому и Леонтьеву. Достоевскій и Леонтьевъ были большіе говоруны, а Страховъ въ разговорахъ былъ сдержанъ, никогда не волновался и былъ великій мастеръ слушать и молчать.

Не могу сказать, бывалъ-ли разговорчивъ Толстой. Судя по разсказамъ Страхова объ ихъ общей поѣздкѣ въ Оптину пустынь, можно, кажется, причислить его тоже къ числу лицъ, умѣющихъ хорошо помолчать. Говорю объ этомъ предположительно, ибо съ

Толстымъ никогда разговорѣвъ не велѣ и, каюсь, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, такъ какъ многое въ немъ самомъ и въ его писаніяхъ, послѣ «Войны и мира» и «Анны Карениной», было мнѣ не по душѣ. И когда, случалось, онъ посѣщалъ нашу общую со Страховымъ квартиру, я намѣренно уходилъ изъ дому по черному ходу, чтобы избѣжать встрѣчи съ нимъ.

Въ Оптиной пустыни онъ былъ одновременно со Страховымъ; вмѣстѣ, они помнятся, и пріѣхали туда въ одномъ экипажѣ изъ Ясной Поляны.

Въ полутемную тѣсную келью старца-схимника они вошли съ нѣкоторою даже робостью, какъ передавалъ Страховъ.

— Необычное впечатлѣніе, — говорилъ онъ, — пахнетъ ладномъ и воздухъ такой спертый, отъ лампадъ тоже запахъ удушливый — тяжело. Какъ старецъ въ такой духотѣ проводитъ цѣлые дни и ночи — удивительно!

Старецъ ласково принялъ ихъ, усадилъ на скамью, замѣнявшую ему кровать и спросилъ:

— Богомольцы?

— Да... отчасти и богомольцы... — не безъ смущенія отвѣтилъ Николай Николаевичъ, чувствуя, что даетъ неточный отвѣтъ.

— Почему — отчасти?

— Да такъ... потому что не богомолье главная цѣль нашего пріѣзда...

— А какая-же, скажи мнѣ, ваша главная цѣль?

— Да такъ... собственно, трудно и опредѣлить... Простите, мы проѣздомъ здѣсь, отчасти даже и по свойственной намъ, грѣшнымъ, слабости — изъ любопытства...

— Такъ, такъ... Что-же, — въ этомъ грѣхѣ не великъ. Обитель посѣтить — это даже похвально... достойно одобренія. Побываете въ храмѣ и помолитесь — вотъ и выйдетъ богомолье. Да... Кто же вы такіе будете? По званію вашему?.. Кто вы?

Николай Николаевичъ съ обычной улыбкой взглянулъ на Толстого, какъ бы ожидая его отвѣта на вопросъ старца, но Толстой молчалъ и внимательно вглядывался въ блѣдное, истомленное лицо старца-схимника.

Страхова, кстати сказать, иначе нельзя себѣ и представить, какъ съ улыбкой, и не только въ то время, когда онъ хлороформированный лежалъ подъ ножомъ оператора въ Николаевскомъ сухопутномъ госпиталѣ (ему отрѣзали часть языка, пораженного болѣзнію рака), на лицѣ его оставалось обычное добродушное выраженіе улыбки, но даже и тогда, когда онъ былъ разлученъ съ своими книгами и уложенъ въ гробъ, — на лицѣ его сохранилась улыбка.

Взглянувъ на Толстого въ ожиданіи его отвѣта на вопросъ старца и не дождавшись, онъ отвѣтилъ самъ:

— Вы, святой отецъ, изволите спрашивать, кто именно мы?

— Охъ, не святой я, не святой! — тревожно возразилъ старецъ, — не называй меня такъ... Не подобаетъ.

— Извините... Прошу прощенія.

— Господь тебя простить... Не называй такъ. Гдѣ мнѣ! Господи помилуй!... Но кто-же вы, скажи, такіе? Купцы вы, предполагаю, торговцы, а можетъ быть, не торговцы, а фабриканты московскіе?

— Нѣтъ, мы не торговцы и не фабриканты...

— Купцы часто ко мнѣ просятъ, да... Иной разъ, по слабости человѣческой, утомляюсь съ ними... Мужички-крестьяне тоже, и въ великомъ множествѣ, приходятъ. Да—а!... Много скорбныхъ, много... Господи помилуй!... И женскъ полъ... Плачущіе и рыдающіе...

Старецъ вздохнулъ, перекрестился и сталъ опять перебирать тощими пальцами косточки четокъ, все время остававшихся у него въ рукахъ.

— Такъ вы не фабриканты и не торговцы? — переспросилъ онъ, — стало быть, чиновники.

— Да, я... собственно, изъ Петербурга, — отвѣтилъ Страховъ, — я—по ученой части, науками занимаюсь...

— А-а! Такъ-такъ! — протянулъ старецъ и въ его тускломъ взорѣ отразилось выраженіе недоумѣнія.

— Какою-же наукою, ты, возлюбленный братъ мой, занимаешься?

— Философіей.

— Такъ, та-а-къ! — задумчиво произнесъ старецъ, — любомудріемъ, стало-быть... Что-же! Это изрядно! Ученье, сказано, свѣтъ... Да-а! Ну, а этотъ, кто-же такой? — спросилъ онъ, вглядываясь въ Толстого, — этотъ молчаливый спутникъ твой — кто?

Николай Николаевичъ опять вопросительно посмотрѣлъ на Толстого, но тотъ уклонился отъ его взгляда и, понутивъ голову, сталъ смотрѣть себѣ подъ ноги.

— Левъ Николаевичъ, — проговорилъ Страховъ, — что-же вы молчите? Старецъ желаетъ знать, кто вы.

— Онъ васъ спрашиваетъ, вы и отвѣчайте, — шепотомъ проговорилъ Толстой, повидимому, недовольный тѣмъ, что старецъ не съ нимъ первымъ заговорилъ.

Страховъ улыбнулся въ отвѣтъ на его шепотъ и, съ той-же улыбкой, взглянулъ на старца, въ недоумѣніи смотрѣвшаго на Толстого.

— Этотъ мой спутникъ, — отвѣтилъ онъ на вопросъ старца, — писатель всѣмъ извѣстный и не только въ Россіи, но и заграницей.

— А-а! — протянулъ старецъ, — и заграницей? Вотъ какъ!...

— Да, и заграницей, и даже далеко за морями, въ Америкѣ, онъ очень извѣстенъ.

— Ишь ты какой!... А какъ по фамиліи?

— Графъ Толстой.

— Вотъ какъ! Гр-а-фъ! -- задумчиво протянулъ старецъ смотря на Толстого, — это хорошо... Гра-а-фъ!... Очень хорошо!

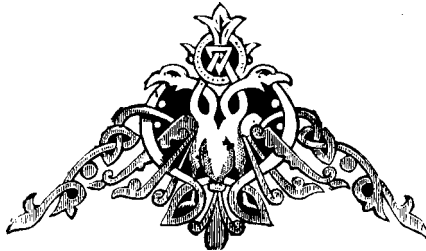
Потомъ помолчалъ нѣкоторое время, началъ, было, опять перебирать тощими пальцами косточки четокъ, но вдругъ какъ-то странно и совершенно неожиданно оживился и проговорилъ:

— А у меня братъ былъ генералъ. Родной мой братъ былъ генералъ...

Разсказывалъ мнѣ объ этой поѣздкѣ въ Оптину пустынь покойный Николай Николаевичъ Страховъ. Помню, какъ онъ, свертывая папиросу, уныло покачивалъ при этомъ головой.

— Да, да, — сказалъ онъ въ заключеніе своего разсказа, — тщеславіе живуче. Къ чему-бы, кажется, ему—старцу-схимнику, удалившемуся отъ міра и всѣхъ дѣлъ его, генеральство брата, а вотъ пойдѣ-же ты—хвалится имъ. Да, тщеславіе преслѣдуетъ человѣка иногда съ такимъ упорствомъ, что не оставляетъ его даже и въ послѣднія минуты жизни.

Д. И. Стахѣвъ.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ ¹⁾.

II.

Писатели, пѣвцы, музыканты и ватное пальто.

РЕЖДЕ чѣмъ принять на себя редактированіе газеты «Русскій Міръ», я сотрудничалъ въ ней съ 1875 г. до отъѣзда М. Г. Черняева въ Сербію, писалъ о художественныхъ выставкахъ, составлялъ статьи для отдѣла «Мнѣнія и Отзывы», заключавшія въ себѣ разъясненія, дополненія или опроверженія газетныхъ статей по разнымъ вопросамъ общественнаго значенія. Для составленія этого отдѣла нужно было ежедневно прочитывать столичныя и провинціальныя газеты, число которыхъ доходило до пятнадцати. На такое занятіе тратилось цѣлое утро, и затѣмъ, кромѣ оригинала, изготовленнаго для набора текущаго дня и отправленнаго въ типографію къ полудню, у меня оставалась еще огромная куча газетныхъ номеровъ со сдѣланными уже въ нихъ отмѣтками для работъ. Эту кучу, не имѣя силы одолѣть ее въ теченіе утра, я уносилъ потомъ къ себѣ на квартиру и значительную часть вечера проводилъ за составленіемъ «Мнѣній и Отзывовъ». При такой постоянной, не прекращавшейся ни въ будни, ни въ праздникъ работѣ, свободнаго времени оставалось въ теченіе дня немного, тѣмъ болѣе потому, что въ то же время, т.-е. одновременно съ со-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 81.

трудничаньемъ въ «Русскомъ Мірѣ», на мнѣ лежала обязанность по редактированію журнала «Нива». Въ «Ниву» я приходилъ рано, часамъ къ девяти и, управившись тамъ съ работой, захвативъ тоже съ собой не малую часть «на выносъ», какъ шутя называлъ мои пачки бумагъ покойный секретарь «Нивы», Грюнбергъ,—я уходилъ въ «Русскій Міръ». Въ этомъ случаѣ для меня представляло большое удобство то, что квартиры «Нивы» и «Русскаго Міра» были близко одна отъ другой — обѣ въ концѣ Большой Морской, за два-три дома до Невскаго проспекта. Къ часу дня усталость отъ работы уже начинала чувствоваться и надо было сдѣлать небольшой антрактъ, отдохнуть и подкрѣпиться пищей. Для этого я—иногда одинъ, иногда въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ сотрудниковъ газеты—отправлялся въ «Малый Ярославецъ», который, какъ тогда, такъ и теперь, находится въ одномъ и томъ же домѣ, тоже въ недалекомъ разстояніи отъ того дома, въ которомъ помѣщалась редація «Русскаго Міра». Стоило только перейти черезъ Невскій проспектъ на противоположную его сторону, во второй или въ третій (хорошо не помню) домъ отъ угла.

Въ «Маломъ Ярославцѣ» мы уединялись въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ. Иногда приходилъ туда самъ издатель газеты, М. Г. Черняевъ, но всегда не надолго. Онъ, нужно замѣтить, былъ весьма деликатный и привѣтливый человѣкъ, говорилъ всегда тихо и сдержанно, точно опасался, чтобы не оскорбить и не обидѣть кого-нибудь лишнимъ словомъ или высокомернымъ обращеніемъ. Но такимъ тихимъ и внимательнымъ къ каждому человѣку былъ онъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда обращавшійся къ нему человѣкъ стоялъ ниже его въ общественномъ отношеніи или, по крайней мѣрѣ, былъ равный съ нимъ. Но, когда онъ оказывался стоящимъ выше его по положенію, по чину, должности или по силѣ, на примѣръ, своего вліянія гдѣ-нибудь на службѣ—въ особенности, государственной—и если при этомъ высказывалъ чѣмъ-либо свое предъ нимъ преимущество, Черняевъ былъ неузнаваемъ, голову держалъ высоко, говорилъ рѣзко, хмурился, вообще, выражалъ каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ непріязненные къ нему чувства.

Войдетъ, бывало, въ занимаемую нами комнату въ «Маломъ Ярославцѣ»—и смутится.

— Ахъ,—скажетъ,—я опять мѣшаю вашему отдыху,—и повернетъ обратно.

— Михаилъ Григорьевичъ! Ваше превосходительство! Не уходите! Удѣлите намъ минуту-другую,—заявить, бывало, кто-нибудь изъ завтракающихъ.

Случалось, онъ оставался нѣкоторое время съ нами, всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда въ комнатѣ не было кого-либо изъ постороннихъ, выпивалъ рюмку настойки и уходилъ въ другія ком-

наты, поджидая встрѣчи съ нужнымъ ему человѣкомъ, всего чаще — съ комиссіонеромъ по отыскиванію денегъ для займа.

Съ деньгами, замѣчу кстати, онъ не умѣлъ обращаться и расходовалъ ихъ безъ счета. Такъ, бывало, утромъ, получивъ съ почты пакетъ съ деньгами, подписанными на газету, онъ выберетъ изъ всѣхъ пакетовъ деньги, положить ихъ къ себѣ въ карманъ и, передавъ письма съ адресами подписчиковъ въ контору, преспокойно отправится изъ квартиры. Уходя, завернетъ съ опустошенными конвертами въ комнату конторы, уже одѣтый въ пальто и въ шляпѣ (тогда онъ носилъ, по возвращеніи изъ Туркестанскаго края, партикулярное платье). Конторщикъ, получая пустые пакеты, заявляетъ, бывало, о томъ, что въ кассѣ нѣтъ ни гроша, и что сотрудники давно ждутъ денегъ въ уплату за свои труды, но, на заявленія его, Михаилъ Григорьевичъ по обыкновенію, только кивалъ головой и отвѣчалъ всегда одними и тѣми же словами:

— Знаю, знаю. Хорошо. Деньги на-дняхъ будутъ.

Денежныя дѣла его тогда были крайне запутаны, да едва-ли и вообще были онѣ когда-либо въ порядкѣ. Онъ, не въ осужденіе сказать, былъ въ этомъ отношеніи человѣкъ безпечный, а на денежныя дѣла смотрѣлъ по своему, «по Черняевски». «Нѣтъ денегъ, что за важность—нужно занять, вотъ и будутъ», такъ рѣшалъ онъ этотъ вопросъ и съ комиссіонерами былъ поэтому въ частыхъ, можно сказать, даже безпрестанныхъ сношеніяхъ. Относительно же того, что заемъ рано или поздно долженъ быть оплаченъ, объ этомъ онъ, кажется, никогда не задумывался. Сколько и кому онъ былъ долженъ, едва-ли и самъ хорошо зналъ. И сколько послѣ его издательства, да не только издательства, но и вообще послѣ всей его дѣятельности, осталось нераспутанныхъ дѣлъ, въ этомъ, пожалуй, не разберется никакой бухгалтеръ.

Доброты онъ былъ необыкновенной, вѣрнѣе сказать, тоже «Черняевской», т.-е. широкой, неразборчивой и не всегда обдуманной. Такъ, напримѣръ, однажды, зайдя въ типографію «Общественная Польза», гдѣ печаталась газета «Русскій Міръ», онъ услышалъ отъ наборщиковъ поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ (кажется, наканунѣ новаго года) и отдалъ на чай пятьдесятъ рублей—послѣднюю бумажку, бывшую у него въ карманѣ. Наборщики, разумѣется, разсыпались въ благодарностяхъ, а онъ, смущенный ихъ привѣтствіями, поспѣшилъ уѣхать изъ типографіи. Смущеніе его замѣтили многіе изъ служащихъ въ типографіи и долго потомъ высказывали восторженные похвалы его необыкновенной скромности. Но едва-ли они въ этомъ случаѣ не ошибались въ опредѣленіи причины, вызвавшей его смущеніе. Ошибиться было очень возможно, не имѣя точнаго понятія о положеніи денежныхъ дѣлъ Михаила Григорьевича. Денежныя дѣла его, какъ я сказалъ выше, были въ то время въ печальномъ положеніи: семья

жила въ Гатчинѣ, нуждаясь чуть-ли не въ самомъ необходимомъ, онъ метался по Петербургу, разыскивая чрезъ комиссіонеровъ займа денегъ и уныло хмурился при мысли о томъ, что у всѣхъ знакомыхъ своихъ, болѣе или менѣе состоятельныхъ, онъ давно уже сдѣлалъ позаймствованія и даже неоднократныя. Относительно причинъ, вызвавшихъ его отъѣздъ въ Сербію, можно бы много, много рассказать... Но «да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ».

Въ «Матомъ Ярославцѣ» онъ бывалъ частенько; тамъ въ буфетѣ имѣлась даже настойка его имени. Бывало, подойдетъ къ буфетной стойкѣ и, не говоря ни слова, покажетъ только рукой на рюмку,—буфетчикъ уже знаетъ, чего онъ хочетъ и наливаетъ «черняевской». Его товарищи и собесѣдники, приходившіе въ этотъ трактиръ для свиданій съ нимъ, очень хорошо знали ту настойку, которую онъ любилъ. Иногда онъ, попробовавъ рюмку-другую своего изобрѣтенія, находилъ, что она неправильно составлена.

— Какъ находите?—спрашивалъ онъ собесѣдниковъ.

— Ничего, Михаилъ Григорьевичъ, не дурна,—пить можно!

— Нѣтъ, что-то въ ней не то... Остроты нѣтъ. Что-то еще нужно прибавить,—задумчиво говорилъ онъ,—керосину развѣ немного?..

Однако, керосину онъ не прибавлялъ. Изъ какихъ травъ эта жидкость получала свои «остроты», не знаю. Помню, что въ нее входила и англійская горькая, и допель-кюмель, и двойная полынная, но, кромѣ нихъ, входило еще что-то, во всякомъ случаѣ,—не керосинъ. Пивалъ эту настойку и я, грѣшный, но откровенно скажу, что она была въ высокой степени отвратительнаго вкуса.

Завтракали мы не всегда въ уединеніи и не всегда въ одной и той же комнатѣ. Случалось, при многочисленномъ собраніи посѣтителей трактира, мы попадали въ тѣ комнаты, гдѣ завтракали, вѣрнѣе сказать, опустошали бутылки съ виномъ и пивомъ обычные завсегдатаи трактира. Всѣхъ ихъ по фамиліямъ не могу назвать, ибо со многими изъ нихъ знакомъ не былъ. Помню, что тамъ встрѣчалъ Мусоргскаго, возсѣдающаго за столомъ, уставленнымъ бутылками, Сергѣя Васильевича Максимова, рассказывающаго хриплымъ голосомъ о сибирскихъ горахъ, лѣсахъ и каторжникахъ, актера Павла Васильевича Васильева, тоже старательно опустошавшаго бутылки съ виномъ и пивомъ, и его однофамильца, опернаго баса, Владимира Ивановича Васильева. Владимиръ Ивановичъ отличался отъ всѣхъ собутыльниковъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ничего, кромѣ очищенной водки, не пилъ.

— Я, братъ ты мой,—баснлъ онъ, въ отвѣтъ на предложеніе «чокнуться»,—я ничего цвѣтнаго не пью. Отечественнаго напитка, пожалуй, могу, когда угодно и сколько угодно, а эту заморщинку

всякую отмечаю... Ну-ка, любезный,—обращался онъ къ служителю, возвышая голосъ,—принеси-ка еще графинчикъ «разговорцу».

Отъ громогласнаго его баса собесѣдники смущались и отодвигали стулья подальше отъ него.

— Эка, рывкнулъ какъ!—замѣчали они.

— На томъ стоимъ, братцы; голосомъ только и дышемъ, на этомъ ужъ, пожалуйста, не обезсудьте. Сами знаете, безъ голоса нашему брату пропадать надо. Это справедливо. Мнѣ одинъ пріятель, скотина, сказалъ: «Ежели бы, говорить, у тебя не голосъ-басъ, давно бы ты свиней пасъ». Я ему хотѣлъ въ ухо запалить, да жалъ стало ладони—опоганишь. И врагъ, подлецъ,—свиней я бы ни въ какомъ случаѣ не пасъ, потому что я парень съ головой. Домикъ я себѣ на Петербургской приспособилъ, а этого, скажу вамъ, безъ головы не добудешь. Вотъ только долгу на немъ еще порядочно, тысячъ, пожалуй, пятнадцать. Надо ихъ запѣть. Да ничего, Богъ дастъ, запоемъ. Ну-ка, братъ,—обращался онъ къ лакею,—наливай намъ «разговорцу», пока по рюмочкѣ, а тамъ дальше подумаемъ повторить... Да что ты, братъ, какія рюмки ставишь... Давай настоящія, въ басовомъ, т.-е., ключѣ, «двуспальныя», какъ говорятъ апраксинскіе купцы.

Сергій Васильевичъ Максимовъ, вслушиваясь въ его басистый разговоръ, вставлялъ свое одобрителное замѣчаніе.

— Хорошее сказано слово, Владимиръ Ивановичъ, мѣткое. «Разговорцу»!... Это летучее слово. Большого значенія слово—разсудку требуетъ...

— погоди! Ты погоди: спервоначала выпей, — понимаешь. Засвѣти, сказано, лампадочку, а потомъ, по мѣрѣ надобности, подливай маслица, сколько потребно.

Владимиръ Ивановичъ наливалъ «двуспальную» рюмку, Максимовъ охотно къ нему присосѣживался, и «разговорецъ», спустя нѣкоторое время, вновь появился въ другомъ, принесенномъ на смѣну перваго, графинѣ.

Владимира Ивановича въ «Маломъ Ярославцѣ» приходилось встрѣчать не часто, въ особенности въ зимніе мѣсяцы. Товарищи, подобно ему, не чуждые выпивки, рассказывали, что отъ посѣщенія трактира онъ часто уклонялся.

— Не могу, говорить, теперь,—передавали они,—не тѣ времена. Тяжелыя, братцы мои, времена. Направникъ свирѣпъ—и надо держаться въ струнѣ. Пропусти репетицію—заклюетъ. Ласково, тихимъ гласомъ разговоры ведетъ, улыбается, а по глазамъ видно, что лютъ и злобенъ. Во едину отъ субботы—могу. Это мой день. По заповѣди contenu себя и субботу соблюдаю. Сказано: «помни день субботній». Могу я въ сей день закатиться до утренней зари воскресенья и даже, въ случаѣ надобности, за воскресенье захлестнуть. Такжеже и во дни Великаго поста могу «подвигомъ добрымъ

подвизаться» во славу очищенной всероссійской. Постъ, братцы мои, разлюбезное дѣло: пой себѣ стихиры на «Господи воззвахъ» и никакой Направникъ препятствовать въ этомъ разѣ не можетъ.

Такъ, бывало, баситъ онъ, опустошая графинъ «разговорцу» и чокаясь съ Максимовымъ рюмками. Видалъ его я, повторяю, не часто, но Максимова, Горбунова и иныхъ, подобныхъ имъ приверженцевъ къ спиртнымъ жидкостямъ, встрѣчалъ въ «Маломъ Ярославцѣ» много разъ.

Помню, напримѣръ, такую картину. Лежитъ на диванѣ, развѣсясь во всю его длину, кто-то изъ пишущей или ноющей братіи, около него другой, находящійся, повидимому, тоже «въ высокомъ градусѣ». Этотъ еще настолько въ силахъ, что можетъ держаться на ногахъ и даже произносить членораздѣльные звуки.

— Вставай! Слыши! Вставай, — безобразно!.. — бормочетъ онъ, раскачивая лежащаго обѣими руками.

Лежащій мычитъ что-то, не открывая глазъ.

— Вставай! Довольно... Пойдемъ!..

Максимовъ, прикурнувшій въ уголкѣ дивана, приподнимается, оглядываетъ лежащаго и его будителя и хриплымъ голосомъ говоритъ:

— Оставь его. Пусть съ миромъ отходитъ...

— Почему—отходитъ? Куда отходитъ?

— Оставь, тебѣ говорю. Четверодневенъ бо и уже смердитъ...

Помню и еще одну картинку. Сидитъ Мусоргскій на стулѣ около стола, заставленнаго бутылками, и держитъ въ обѣихъ рукахъ развернутый газетный листъ. Сидитъ онъ, нельзя сказать, чтобы очень твердо, но спиной все-таки опирается о спинку стула довольно плотно и хотя немного покачивается, но равновѣсія не теряетъ. Развернутый листъ газеты служитъ, повидимому, указаніемъ на то, что Мусоргскій намѣревается заняться чтеніемъ. Однако, при внимательномъ взглядѣ на его лицо, опухшее отъ чрезмѣрнаго употребленія вина, на его глаза, дико блуждающіе по сторонамъ газетнаго листа, можно безошибочно заключить, что онъ едва-ли въ состояніи разобрать хотя одну строку печати даже по складамъ. Въ комнатѣ тишина. Горбуновъ рассказываетъ что-то объ А. Н. Островскомъ, что-то о побѣдкѣ своей съ нимъ въ Лондонъ,—все хохочутъ, а Мусоргскій сопитъ себѣ подъ носъ.

— Заблудились мы съ Александромъ Николаевичемъ,—говоритъ Горбуновъ,—потеряли дорогу къ своему отелю. «Иванъ Ѳеодоровъ,—шепчетъ онъ,—объяснись, братецъ, съ городовымъ-то, разспроси, какъ намъ теперича отсюда выбраться, по какой улицѣ». Я говорю: «Александръ Николаевичъ, какъ-же я буду съ городовымъ объясняться? Вѣдь онъ—англичанинъ, а я по англійски ни слова не

знаю».—«И какъ тебѣ не стыдно, Иванъ Ѳедоровъ,—съ упрекомъ сказалъ онъ и закачалъ головой,—вѣдь у тебя жена нѣмка»!..

Хохоть усиливается. Мусоргскій сопитъ носомъ. Павелъ Васильевъ поднялся отъ стола, заставленнаго бутылками, и хочетъ подойти къ Мусоргскому. Максимовъ посиѣшнѣ встаетъ и хватается его за руки.

— Не вороши его, не вороши: упадетъ! — хрипитъ онъ, потрясая бородой.

Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, не въ осужденіе сказать, былъ тоже весьма склоненъ къ препровожденію времени за рюмкой вина. Въ годы моего сотрудничества въ «Русскомъ Мірѣ» я хотя и не часто, но все-таки встрѣчался съ нимъ въ «Маломъ Ярославцѣ». Тогда, въ годы Треповскаго градоначальства, Сергѣй Васильевичъ Максимовъ и Горбуновъ не были частыми посѣтителеми «Малаго Ярославца», и если появлялись въ немъ по временамъ, то уже далеко послѣ полудня: такъ,—часа черезъ два, а то, пожалуй, и чрезъ три. Въ тѣ годы, т. е. во времена Треповскаго градоначальства, завтракали они чуть-ли не ежедневно у Христіановича—правителя Треповской канцеляріи. Христіановичъ, даруй ему Господь вѣчный покой! имѣлъ тоже не малую склонность выпить. Помню его записку къ Максиму (лично мнѣ показывать), въ которой онъ приглашалъ его къ себѣ слѣдующими стихами:

«Приди ко мнѣ въ чертогъ златой
Хватить по рюмкѣ, по другой».

Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Максимовымъ и Горбуновымъ. Вела ли начало ихъ дружба отъ взаимной склонности къ выпивкѣ, или къ этому началу, въ большей или меньшей степени, промѣшивалось расположеніе Христіановича къ талантливымъ представителямъ литературы,—не могу сказать. Знаю только то, что Христіановичъ покровительствовалъ и Максиму и Горбунову, въ особенности—Максиму. Максимовъ, не будучи годнымъ къ аккуратной ежедневной работѣ, былъ во все время начальствованія Христіановича редакторомъ «Вѣдомостей С.-Петербургскаго градоначальства». Работалъ за него въ газетѣ корректоръ, а на его обязанности оставалось только одно дѣло—получать жалованье. Онъ, такъ сказать, пожиналъ плоды дружбы и изъ невещественныхъ отношеній извлекалъ вещественные знаки, выражавшіеся въ весьма порядочной суммѣ редакторскаго жалованья. Онъ получалъ, помнится, что-то около двухъ сотъ пятидесяти рублей ежемѣсячно, и такое полученіе продолжалось много, много лѣтъ, пока Христіановичъ не умеръ. Умеръ онъ, кстати замѣтить, въ Венеціи, и, какъ рассказывалъ мнѣ самъ же Максимовъ, виновни-

цею смерти Христіановича оказалась бутылка коньяку, которую онъ выпилъ на радостяхъ послѣ болѣзни, не успѣвъ отъ нея достаточно оправиться.

Горбуновъ вещественныхъ плодовъ отъ дружбы съ Христіановичемъ, насколько мнѣ извѣстно, не извлекалъ, по крайней мѣрѣ—явныхъ; о тайныхъ—не могу сказать, но могу все-таки предполагать, что, находясь въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ сильному человѣку, и онъ тоже былъ не прочь извлечь изъ нихъ какую нибудь вещественную пользу. Максимова я зналъ близко и съ давняго времени, именно съ тѣхъ лѣтъ, когда, по волѣ неисповѣдимаго Промысла, я блуждалъ по градамъ и весямъ отдаленной Сибири и Амурскаго края. Максимовъ тогда былъ посланъ въ Сибирь по распоряженію великаго князя Константина Николаевича съ литературными цѣлями. Цѣлей этихъ, по моему мнѣнію, онъ не осуществилъ и хотя много написалъ и статей и книгъ о Сибири, но точнаго, полезнаго и заслуживающаго серьезнаго вниманія въ книгахъ его, пожалуй, найдется не много. Да проститъ мнѣ покойникъ правдивое слово о немъ! Говорунъ онъ былъ большой и собесѣдникъ забавный, что, при его добродушіи и простотѣ обращенія, давало ему большія преимущества на общественное вниманіе. И онъ, и Горбуновъ, какъ замѣчено выше, были большіе бражники. Бражничать съ пріятелями, слетавшимися на него со всѣхъ сторонъ, какъ мухи къ меду, Горбуновъ былъ весьма не прочь. Я видалъ его за чужими столами и въ Мал. Ярославцѣ, и въ другихъ ресторанахъ. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, послѣ сотрудничества въ «Русскомъ Мірѣ» и его редакторствованія, я встрѣчался съ нимъ у Карамышева, въ маленькомъ ресторанѣ, находящемся и теперь на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора. Въ этотъ ресторанъ я, бывало, заходилъ нерѣдко, возвращаясь съ прогулки, и пилъ тамъ чай съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ. Всего чаще въ этомъ случаѣ былъ мнѣ спутникомъ Д. В. Аверкиевъ, въ тѣ годы уже замѣтно больной и избѣгавшій «рюмочки». Отъ свиданій съ Горбуновымъ у меня сохранилось въ памяти нѣсколько рассказовъ объ А. Н. Островскомъ и А. Ѳ. Писемскомъ. Не знаю, были-ли въ печати эти рассказы. Если они даже и были когда-либо напечатаны, то полагаю, что повтореніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не убавитъ ихъ интереса.

Александръ Николаевичъ, по рассказамъ Горбунова, былъ, при всемъ своемъ добродушіи, склоненъ иногда похвастаться успѣхами—не литературными, а вообще успѣхами во всемъ: въ музыкѣ, въ пляскѣ, въ языкознаніи. Не слыхалъ я о томъ, хвалился-ли онъ успѣхами въ живописи и въ архитектурѣ, но смѣю предположить, что, при склонности своей,—положимъ, безобидной и нѣ-

сколько даже комичной,—хвастаться успѣхами во всемъ, онъ, вѣроятно, способенъ былъ разсказать о своихъ архитектурныхъ, живописныхъ, а, можетъ быть, даже и скульптурныхъ произведеніяхъ. «На скрипкѣ,—говорилъ онъ,—я играю такъ, что самъ Вьестанъ хвалилъ и удивлялся, слушая меня». Ударъ,—говорить,—у васъ необыкновенный». Въ дѣйствительности, онъ не только никогда Вьестана не видывалъ и едва-ли даже когда-либо бралъ въ руки скрипку. При разговорѣ о томъ, что Моцартъ въ ранней юности, не умѣя еще держать въ рукахъ скрипки, уходилъ съ нею въ садъ и тамъ скрипѣлъ на ней, заливаясь при этомъ слезами, полный духовныхъ восторговъ,—Александръ Николаевичъ, при такомъ разговорѣ, тоже восторженно вдохновлялся, билъ себя кулаками въ грудь и инепталъ:—«А я! А я!.. я въ дни ранняго дѣтства плакалъ, играя на скрипкѣ. Ахъ, какія въ воображеніи моемъ создавались аріи и симфоніи. Да-а! Не судилъ Богъ!.. Другая дорога назначена была мнѣ въ жизни». Заходилъ разговоръ о русской пляскѣ, о мастерскихъ вывертахъ и присѣданьяхъ плясунновъ,—Александръ Николаевичъ и тутъ оказывался первымъ изъ первыхъ.—«Да я,—разсказывалъ онъ собесѣдникамъ,—такъ пляшу, что любого вашего плясуна могу въ этомъ отношеніи за поясъ заткнуть».—«И былъ случай,—разсказывалъ Горбуновъ,—собрались когда-то у Александра Николаевича гости, зашелъ разговоръ о пляскѣ, онъ началъ хвалиться, что кого угодно превзойдетъ въ этомъ искусствѣ, и вдругъ оказалось, что среди гостей есть настоящій плясунъ, именно кто-то изъ пишущей братіи, не помню фамиліи, кажется, Стаховичъ.—«А ну-ка,—обратился этотъ дѣйствительный плясунъ къ Александру Николаевичу,—давай сняшемъ,—кто лучше изъ насъ окажется».—«Давай, сдѣлай милость, я готовъ съ великимъ даже удовольствіемъ. Начинай ты первый». Плясунъ началъ первый и кончилъ при общихъ выраженіяхъ восторга. Александру Николаевичу, волей-неволей, пришлось показывать свое мастерство въ пляскѣ.—«Я, признаться, что-то не того...—забормоталъ было онъ,—и нога у меня правая немного что-то... и вообще...»—«Нѣтъ ужъ, братъ, не отговаривайся,—возразилъ плясунъ,—хвалился, такъ пляши. Я плясалъ, такъ и ты пляши».—«Да, да, Александръ Николаевичъ,—заявили и гости,—сдѣлайте одолженіе, доставьте удовольствіе! Очень намъ любопытно посмотрѣть!» Заплясалъ Александръ Николаевичъ, снялъ для этого даже и сапоги, чтобы удобнѣе было выдѣлывать всякіе выверты и... упалъ. Надо замѣтить, что былъ и онъ, подобно гостямъ, немного упавши. Однако и упавъ, онъ не утерпѣлъ, порисовался своимъ положеніемъ: «Увы! — говоритъ плачевнымъ и слезливымъ голосомъ,—увы, пріятели мои, очень я ушибся и въ опасномъ положеніи нахожусь... Да-а!.. умру, стало быть!.. Похороните меня, милые мои собесѣдники и благопріятели, но только, пожалуйста, безъ почестей!»

Разсказывая о днях своей юности, онъ, по словамъ Горбунова, больше всего увлекался воспоминаніями о томъ, какое блестящее воспитаніе дано было ему и братьямъ.

— Языки у насъ,—говорилъ онъ,—изучались, такъ сказать, съ безпримѣрнымъ стараніемъ. Французскій языкъ въ особенности. Могу сказать, что французскій языкъ—мой родной языкъ: чуть не съ пеленокъ я на немъ и орудую. У насъ, знаете, и древніе языки—греческій, напримѣръ, латинскій, долбились тоже, ухъ какъ! Про англійскій и нѣмецкій и говорить нечего—здорово мы съ ними мучились. Съ ними мы и ложились, и вставали. Съ итальянскимъ дѣло шло, надо признаться, плоховато, хотя онъ съ французскимъ и близкій родственникъ. Да-съ, намучились мы съ этими иностранными діалектами.

Такъ разсказывалъ Александръ Николаевичъ однажды какому-то новому знакомому, провинціалу, пріѣхавшему въ Москву изъ далекой глуши. При разговорѣ этомъ находился въ комнатѣ его младшій братъ (не помню имени его, кажется—Иванъ). Слушалъ онъ разсказъ Александра Николаевича объ изученіи языковъ и, не вытерпѣвъ, возразилъ:—«Эхъ,—говорить,—Саша! Какъ тебѣ не стыдно врать!» и съ этими словами ушелъ изъ комнаты. Александръ Николаевичъ ни мало не смутился его грубымъ упрекомъ и, обращаясь къ гостю, проговорилъ:

— Вы не вѣрьте ему—онъ отъ другой матери!

Этими словами онъ хотѣлъ выразить ту мысль, что младшій братъ, будучи значительно моложе его, не могъ знать о томъ, когда и какіе языки изучались имъ.

Относительно французскаго языка, его «родного», какъ онъ называлъ, я слышалъ отъ С. В. Максимова, разсказывавшаго со словъ покойнаго А. Ѳ. Писемскаго слѣдующее.

— Поѣхали мы, понимаешь,—разсказывалъ Писемскій,—за границу. (Разговорный языкъ Писемскаго,—намѣренно или ненамѣренно, Богъ его знаетъ,—простонародный). Сманилъ меня и Александра Миколаева Григоровичъ,—пріѣзжайте, да пріѣзжайте, я вамъ, говоритъ, услужу, вездѣ побываю и всякую, значить, всячину парижскую увидите. Александръ Миколаевъ насчетъ языка тоже успокоилъ,—будь, говоритъ, безъ сумлѣнія—я могу, говоритъ, на всѣхъ языкахъ дѣйствовать даже довольно свободно. А я, понимаешь, и повѣрилъ; думаю, въ самомъ дѣлѣ, ежели, значить, человекъ говоритъ, что съ дѣтства орудовалъ и французскимъ и нѣмецкимъ, какъ ему, стало быть, не повѣрить. Вотъ и поѣхали, братецъ ты мой. Ыдемъ—ничего, за границу перевалили, покатали по нѣмецкой землѣ. Я гляжу, присматриваюсь, прислушиваюсь, замѣчаю, что мой Александръ Миколаевъ что-то финтить, отмалчивается. Зайдемъ въ буфетъ—мычить что-то и больше руками дѣйствуетъ, и деньги въ буфетѣ показываетъ, а

языкомъ не шевелить. Что ты, говорю, Александръ Николаевъ, хвалился нѣмецкимъ языкомъ, а оказывается ты въ немъ—ни въ зубъ толкнуть.—«Нездоровится,—говорить,—что-то и слова забылъ, память, значить, отшибло».—Ну, думаю, Богъ съ нимъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ кое-что позабылъ онъ въ нѣмецкомъ. Нѣмецкая рѣчь, дѣйствительно, трудная,—языкъ обломаешь! Извѣстно, нѣмцы—колбасники и добраго отъ нихъ ждать нечего. Ну, думаю, это не бѣда: скоро нѣмецкую землю минуемъ, по французской покатымъ, тогда дѣло пойдетъ лучше. Во французскій-то я вѣрилъ: думаю, ежели говоритъ, что это его родной языкъ, такъ нечего, стало быть, сомнѣваться. И братъ его, Михайла Николаевъ, который теперьча въ большіе чины произошелъ и въ министры мѣтитъ, но-французски, знаю, лопочетъ. И что же, братецъ ты мой, вышло въ концѣ концовъ. Понимаешь — комедія! Оно теперь рассказывать-то и смѣшно, а тогда же до смѣху было. Ну, вотъ, слушай. Приѣхали мы, стало быть, въ Парижъ. Вышли изъ вагона, оглядываемся во всѣ стороны, ищемъ глазами Григоровича, который обѣщалъ насъ, по полученіи телеграммы, встрѣтить на вокзалѣ. Анъ не тутъ-то было. Григоровичъ тоже, ежели правду сказать, человѣкъ не надежный. Наговорить, наговорить,—а все вранье. Вралъ онъ, понимаешь, иной разъ такъ, что мухи дохли. Ну, вотъ! Глядимъ, глядимъ,—нѣтъ нашего путешественника. Ну, что дѣлать!.. Стало быть, говорю, Александръ Николаевъ, пойдёмъ, значить, къ выходу на платформу, можетъ тамъ его встрѣтимъ, Григоровича-то. Пошли—и тамъ нѣтъ его. Народу, братецъ мой, на платформѣ видимо-невидимо. Извѣстно, Парижъ—столица свѣта.—«Ну,—вотъ,—говорю, Александръ Николаевъ, надулъ насъ Григоровичъ».—«Да,—говорить,—наскучило вышло».—«Такъ вотъ,—говорю,—стало быть, нанимай извозчика, объясняйся съ нимъ на родномъ-то языкѣ». А онъ, понимаешь, нахмурился, глазами-то въ разныя стороны наводитъ, все, значить, высматриваетъ, нѣтъ ли тутъ гдѣ въ толпѣ Григоровича.—«Слышишь,—говорю,—Александръ Николаевъ, объясняйся съ извозчикомъ-то, не ночевать же намъ тутъ». А онъ отвѣчаетъ: — «Ахъ ты, говоритъ, Алексѣй Теофилактъ, какой ты недогадливый,—и головой закачалъ.—«Въ чемъ же,—спрашиваю,—моя недогадливость выразилась?»—«Да какъ же, говоритъ, я буду разговаривать съ извозчикомъ, когда у меня въ обѣихъ рукахъ сакноязыи».

Въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Мира» были «всякіе». Говорю такъ, подражая нѣкоторой матери большого семейства, отвѣчавшей на вопросы о томъ, каковы у ней дѣти. «Всякія есть,—говорила она,—и умные, и глуповатые, и строптивые, и смиренные». Такъ и относительно сотрудниковъ газетъ можно сказать. Были всякіе, и

умные, и глуповатые, и честные, и плутоватые; умныхъ и честныхъ — меньше, глуповатыхъ и плутоватыхъ — больше. Покойный Евгений Раннъ, писавшій «на разныя темы», хвалился, напримеръ, тѣмъ, что сотрудничаетъ и въ «Голосѣ», и въ «Русскомъ Мірѣ». «Въ «Голосѣ», — говорилъ онъ, — пишу по вопросу о народномъ образованіи, а въ «Русскомъ Мірѣ», возражаю на этотъ вопросъ — и выходишь складно и ладно: и тамъ, и здѣсь получаю построчную плату». Впослѣдствіи, спустя нѣкоторое время послѣ сербской войны, онъ приобрѣлъ отъ покойнаго Черняева права на изданіе «Русскаго Міра», и въ два-три мѣсяца издательства уронилъ подписку до того, что изъ трехъ-четырехъ тысячъ подписчиковъ въ ней осталось ихъ сотни двѣ. Причина — понятна: онъ изъ консервативной газеты задумалъ сразу сдѣлать либеральную — и провалился. Рассказывать о другихъ сотрудникахъ много не буду. Богъ съ ними! Къ чему беспокоить тѣни отшедшихъ въ иной міръ, и къ чему раздражать воспоминаніями тѣхъ, которые еще влачатъ въ тѣлесномъ образѣ свое земное существованіе? Къ числу таковыхъ могу причислить и даже въ первую пару поставить Федора Берга, стяжавшаго себя печальную извѣстность многими неудачными предпріятіями, казенными субсидіями, частными долгами и иными дѣяніями, о которыхъ тоже удержусь говорить, памятуя молитву св. Ефрема Сирина, просящаго у Бога помощи «зрѣти прегрѣшенія свои и не осуждати брата». Но не могу умолчать объ одномъ интересномъ и, можно еще сказать, забавномъ сотрудникѣ «Русскаго Міра» — переводчикѣ съ нѣмецкаго.

Онъ ежедневно приходилъ въ опредѣленный часъ въ контору газеты; не торопясь, молча, снималъ въ прихожей верхнее платье, смотрѣлся въ зеркало, расчесывая карманнымъ гребешкомъ свои свѣтло-рыжеватые волосы, весьма кудластые и строптиво непослушные, торчавшіе на головѣ его ежомъ. Затѣмъ, одернувъ свой сюртучишко, сильно помятый и поистертый, онъ шелъ въ ту комнату, гдѣ обыкновенно занимался переводами съ нѣмецкаго. На столѣ, къ его приходу, уже лежали двѣ-три нѣмецкія газеты со сдѣланными редакторомъ отмѣтками для статей, подлежащихъ переводу. Прежде чѣмъ взяться за нихъ, онъ бралъ номеръ «Русскаго Міра» этого дня, хмуро и озабоченно подсчитывалъ строчки своихъ переводовъ, напечатанныхъ въ вышедшемъ номерѣ, и вынувъ изъ бокового кармана памятную книжку, записывалъ въ ней число строкъ, напечатанныхъ въ немъ, и потомъ принимался за переводы. Онъ былъ всегда мраченъ, мало разговорчивъ и сидѣлъ за своимъ столомъ по цѣлымъ часамъ, не покидая его даже для того, чтобы подняться, расправить уставшіе члены, пройтись разъ-другой по комнатѣ. Сидитъ себѣ за столомъ, согнувшись надъ бумагами, точно прикованный, и только по временамъ встряхиваетъ кудластою головою и что-то бормочетъ себѣ подъ

ность, не то въ осужденіе переводимой статьи, не то въ порицаніе торчавшаго у него во рту окурка папиросы,—въ порицаніе за то, что онъ послѣдній, и за то, что въ карманѣ нѣтъ ни гроша для покупки новой пачки папиросъ. Такъ, не отрываясь отъ работы, сидѣлъ онъ до того времени, пока не подходилъ къ нему посыльный, отправляемый въ типографію редакторомъ.

— Готово у васъ?—спрашивалъ онъ.

Переводчикъ молча передавалъ ему листочки переводовъ и опять углублялся въ работу. Наконецъ, работа была сдѣлана вся. Онъ поднимался со стула, потягивался, расправляя спину, и шелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ за конторскими книгами кассиръ. Кассиръ, завидя его, тоже хмурился и принимался озабоченно перелистывать страницы кассовой книги.

— Вамъ сколько?

Переводчикъ только смотрѣлъ на него, не отвѣчая.

— Сколько вамъ надо, спрашивается. Что-же вы молчите?

— А зачѣмъ спрашивать?—мрачно мычитъ онъ,—тамъ въ книгахъ у васъ записано сколько—и дайте.

— Сегодня не могу. Завтра получите.

— Миѣ сегодня надо. У меня гроша нѣтъ...

— Вотъ возьмите пока три рубля. Завтра получите все, сколько причитается.

Онъ молча беретъ трехрублевую бумажку, небрежно суетъ ее въ карманъ жилета и, едва кивнувъ кудлатой головой, уходитъ въ переднюю. Тамъ, натягивая на тощія плечи свое ветхое пальтишко, онъ что-то ворчитъ, разговаривая самъ съ собою—и уходитъ.

Одинъ изъ артельщиковъ, служившихъ въ конторѣ газеты, рассказывалъ, какъ этотъ молчаливый переводчикъ съ нѣмецкаго проводилъ время, выйдя изъ конторы, и какіе иногда велъ разговоры въ пивныхъ лавочкахъ, куда заходилъ послѣ своихъ трудовъ отдохнуть и выпить кружку пива.

— Настоящихъ чувствъ въ людяхъ нѣтъ, — говорилъ онъ, — вотъ и причина моего бѣдственнаго положенія. И не только моего, а вообще отъ этого все зло и бѣдность, и скорби людскія. Я, напримѣръ, трезвый, трудящійся человѣкъ, въ какомъ положеніи нахожусь? Я теплой одежды не имѣю, а на дворѣ—зима, да еще какая—галки отъ мороза издыхаютъ. Того гляди, и я подохну отъ такихъ морозовъ, а развѣ я галка? Будь въ людяхъ чувство любви къ ближнему, я бы и одного дня не проходилъ въ такомъ лѣтнемъ, вѣтромъ подбитомъ, пальтишкѣ: первый же встрѣчный, болѣе или менѣе обеспеченный, далъ бы миѣ на теплое пальто десятокъ-другой рублей, непременно бы далъ.

На вопросъ о томъ, насколько въ немъ самомъ сильно чувство любви къ ближнему, онъ, обыкновенно, вздыхалъ, пожималъ плечами и грустнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Я—что? Я обиженный судьбою, я, такъ сказать, прижатый къ стѣнѣ одинокій скиталецъ на бѣломъ свѣтѣ, человекъ безъ имени, безъ роду и племени. Въ чемъ я могу выразить свои чувства, чѣмъ могу доказать свою горячую, беззавѣтную любовь къ ближнему?

Росту онъ былъ менѣе чѣмъ средняго, узкоплечій, сутуловатый, во всѣхъ движеніяхъ медлительный, говорилъ однотонно и вяло, тянулъ слово за словомъ, точно выдавливалъ ихъ изъ себя прессомъ, ходилъ какъ утка, переваливаясь съ ноги на ногу, и взглядъ его тусклыхъ сѣрыхъ глазъ былъ недоумѣвающий, какъ будто онъ только что проснулся и еще не въ достаточной степени пришелъ въ себя.

Какъ-то ему, наконецъ, посчастливилось. Судьба ли сжалилась надъ нимъ или случай, управляющій, будто бы, участію большихъ и малыхъ твореній міра, какъ предполагаютъ нѣкоторые умники, —этотъ ли случай помогъ ему—неизвѣстно и разсуждать объ этомъ не будемъ. Такъ или иначе, но въ одинъ счастливый для него день онъ неожиданно получилъ то, о чемъ часто задумывался и чего жадно желалъ.

Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Шелъ онъ въ обычный часъ по окончаніи своей работы съ Большой Морской въ одну изъ дальнихъ улицъ города, гдѣ квартировалъ. Встрѣтился ему на пути самъ издатель газеты «Русскій Міръ», М. Г. Черняевъ. Неожиданно столкнувшись на панели, Черняевъ обратилъ на него вниманіе. Видитъ, человекъ идетъ въ пальтишкѣ, подбитомъ вѣтромъ, руки засунулъ въ карманы и жметъ. Черняевъ остановился, бросилъ пытливый взглядъ на его лѣтнее пальто и спросилъ:

— Холодно?

— Да, не тепло, ваше превосходительство.

— Почему вы знаете, что я превосходительство?

— А потому и знаю, что въ вашей газетѣ перевожу съ нѣмецкаго.

— А-а! То-то я присматриваюсь, лицо какъ будто знакомое. Такъ холодно?

— Да и очень. Вамъ-то, я смотрю, тепло. Пальто у васъ мѣховое.

Черняевъ задумчиво протянулъ: «да-а» и пошелъ дальше, едва кивнувъ ему головой.

Переводчикъ еще больше съежился и занягалъ быстрѣе прежняго.

— Вотъ чортъ,—ворчалъ онъ потомъ, рассказывая артельщику о своей встрѣчѣ.—Пальто у него съ бобромъ. Хорошо въ такомъ пальто разговаривать. И улыбается. Не зябнетъ, конечно. А мнѣ каково? А еще въ разпросы пустился, холодно-ли. Разумѣется, хо-

лодно. О, люди! люди!.. Нѣтъ у васъ понятія о нуждахъ и скорбяхъ бѣднаго человѣка!..

Оказалось, однако, что сердился онъ и бранилъ родъ людской напрасно. Черняевъ на другой же день послѣ встрѣчи съ нимъ потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Пьянствуете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,— мрачно отвѣтилъ переводчикъ,— въ этомъ не грѣшенъ. Вотъ пивкомъ иногда балуюсь, это вѣрно.

На его счастье, Черняевъ былъ въ этотъ день при деньгахъ и далъ ему на пальто тридцать рублей.

— Вотъ возьмите...

— Въ счетъ, стало быть, переводовъ?

— Берите, когда дають. Вычитать не буду...

Одѣлся переводчикъ въ пальто изъ толстаго сукна на ватѣ и даже съ мѣховымъ воротникомъ и заговорилъ другимъ тономъ.

— Вотъ настоящій человѣкъ, нашъ издатель! Да! Такъ вотъ и должны поступать всѣ. Нѣтъ у человѣка теплой одежды, дай ее ему. Въ бѣдѣ онъ — помощи ему, раздѣли съ нимъ горе, успокой, утѣшь. Вотъ какъ нужно жить на бѣломъ свѣтѣ.

Спусти нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ сталъ щеголять въ тепломъ пальто, случилось несчастье: на какой-то постройкѣ на Малой Морской обрушились лѣса и задавили нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Услышалъ объ этомъ артельщикъ «Русскаго Мира» и, поспѣшно войдя въ комнату переводчика, испуганнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы ничего не слыхали?

— А что такое?

— Несчастье вѣдь случилось, и представьте, какое ужасное несчастье!..

Переводчикъ соскочилъ съ своего стула съ такой быстротой, точно никогда такимъ увальнемъ не былъ, и кинулся въ переднюю, удостовѣриться, тамъ-ли его пальто.

— Фу, какъ вы меня испугали!—проговорилъ онъ, вернувшись.

— Да вы куда собираетесь? На постройку, что-ли?

— Охъ, пойдите вы съ вашей постройкой. Говорите: «несчастье! несчастье!» Я думалъ, вы о пальто. Пальто тамъ, на вѣшалкѣ, какое же можетъ быть несчастье?!

Д. И. Стахѣвъ.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ ¹⁾.

III.

(Максимовъ, Писемскій, Стрепетова и портретъ, похожій на свинью).

ИЩЕ ДВА-ТРИ слова о Писемскомъ. Мало я съ нимъ былъ знакомъ, точнѣе—почти незнакомъ, встрѣтился однажды у его земляка, тоже костромича, С. В. Максимова,—и не надолго. Максимовъ, знакомя насъ, сказалъ: —вотъ такой-то... сибирякъ, молодой писатель, вятчанинъ.

— Ишь ты! гм...—промычалъ Писемскій и, вопросительно взглянувъ на Максимова, проговорилъ:—какой же сибирячекъ, ежели вятчанинъ.

— По рожденію—вятчанинъ, по рожденію, а по мѣсту жительства—сибирячекъ. Встрѣчались мы съ нимъ въ отдаленныхъ мѣстахъ,—на Амурѣ, братъ ты мой, встрѣчались въ Влаговѣщенскѣ, вотъ гдѣ!.. Онъ, надо тебѣ сказать, землепроходецъ, да! Онъ на Амурѣ, въ Ека-терино-Никольской станицѣ сѣялъ пшеницу!..

Максимовъ говорилъ отрывисто, хриплымъ голосомъ и при этомъ всегда какъ-то странно трясъ бородой.

— А—а! Вотъ оно что... такъ... гм... гм... Ишь ты куда чело-вѣка занесло! мрачно замѣтилъ Писемскій.

— Да, братъ ты мой, врагъ силенъ: горами качаетъ.

— Это-то что! гм... гм...

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 464.

Писемскій былъ во время этого свиданія не въ духѣ, тяжело отпыхивался, говорилъ неохотно и хмурился. Стряслась у него, какъ рассказывалъ потомъ Максимовъ, какая-то тогда непріятность въ театральномъ комитетѣ. Не помню точно, въ какомъ году это произошло, и не помню, изъ-за какой піесы онъ тогда волновался. Помню только, что онъ съ видимой неохотой отвѣчалъ Максиму и явно былъ недоволенъ моимъ приходомъ, неожиданно порвавшимъ нить ихъ дружеской бесѣды. Онъ долго отпыхивался, сидя въ развалку въ креслѣ, враждебно поводилъ глазами по картинамъ комнаты, но потомъ какъ будто нѣсколько поуспокоился и сталъ продолжать прерванный моимъ приходомъ разговоръ.

— Это, понимаешь,—заговорилъ онъ, поднявшись съ кресла и потрясая въ воздухъ обѣими руками:—это свинство. Это все равно, ежели обухомъ по лбу... Я теперь все равно, что вродѣ какъ бы на смертномъ одрѣ...

Максимовъ отвѣчалъ что-то въ успокоительномъ тонѣ, тоже размахивалъ руками и трясъ бородой, а самъ въ то же время тревожно взглядывалъ на дверь сосѣдней комнаты, видимо поджидая оттуда кого-то или что-то.

— Говорю тебѣ: это—свинство. Понимаешь? Съ такими людьми, по-моему, и разговаривать нечего—проходи мимо. Да! Пишешь, стараешься, душу, такъ скажемъ, измочаливаешь и за все про все — придирки... Нѣтъ ли красненькаго?..

— Сейчасъ, сейчасъ подадутъ...

Максимовъ подошелъ къ сосѣдней двери, откуда въ это время ужъ появилась горничная съ подносомъ, уставленнымъ бутылками и тарелками съ закуской.

Что потомъ еще говорилъ Писемскій—не помню, но вышеприведенныя слова и крутой переходъ къ вопросу о «красненькомъ» памяты миѣ до сихъ поръ, несмотря на то, что со времени нашей встрѣчи прошло, пожалуй, лѣтъ сорокъ.

О Писемскомъ я слыхалъ отъ Максимова не мало рассказовъ, изъ которыхъ, увы, многое позабыто. Максимовъ, несмотря на хриплый голосъ и отрицистую рѣчь, передразнивалъ разговоръ Писемскаго до смѣшного точно. Такъ же, подобно ему, порывисто вскакивалъ съ кресла, воодушевляясь разговоромъ, такъ же потрясалъ въ воздухъ руками и стрѣлялъ направо и налѣво гнѣвными взглядами.

Нужно замѣтить,—какъ я сказалъ выше,—покойный Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій въ разговорѣ часто употреблялъ простонародныя выраженія: «таперича, понимаешь, домъ-отъ большой» и т. п. И чуть ли, по словамъ Максимова, онъ не намѣренно «ломалъ мужика». Но по впечатлѣнію, какое онъ произвелъ на меня, рѣчь его была не притворная и говорилъ онъ «по-мужицки» не нарочно, а такъ по привычкѣ, усвоенной, вѣроятно, съ дѣтства, и по лѣни,

ему свойственной, не старался исправлять свою рѣчь, да, можетъ быть, даже иной разъ и намѣренно рисовался ею—вотъ, молъ, слушайте вы, чортъ васъ побери, питерщики, какъ наши костромичи разговариваютъ!

Относительно «красненькаго» и другихъ душеуладительныхъ напитковъ склонность онъ имѣлъ не малую и, скрывать нечего, попить и поѣсть любилъ вволю. Въ трактирахъ, въ особенности въ московскихъ, заказывая для себя обѣды, входилъ въ большія подробности именно насчетъ того, какъ будетъ приготовлено то или другое блюдо. Онъ напоминалъ въ такихъ случаяхъ гоголевскаго Петра Петровича Пѣтуха. «Поджарь, молъ, да подпеки, да дай пропрѣть хорошенъко, чтобы его прососало»... Всматриваясь въ него, бесѣдовавшаго съ половымъ, казалось, что онъ повторяетъ вышеприведенныя слова Пѣтуха. Аппетитъ у него былъ образцовый, насчетъ жаренаго гуся онъ не разъ говаривалъ, что гусь — птица странная и именно тѣмъ, что «одного мало, а съ двумя не справиться». Поросятка подъ хрѣномъ очень одобрялъ и любилъ, чтобы онъ былъ поданъ на столъ «во всей его неприкосновенности». Къ напиткамъ тоже, какъ сказано выше, былъ весьма дружелюбно расположенъ.

Въ Москвѣ, не помню, въ чемъ именно винномъ погребѣ, продавалось съ шестидесятыхъ годовъ красное вино съ такою на этикетахъ бутылокъ надписью: «По особому заказу Алексѣя Теофилактовича Писемскаго». Но, однако, несмотря на такую надпись, знатокомъ винъ едва ли можно его признать. Вѣрнѣе предположить, что надпись была сдѣлана не по его «особому заказу», а, можетъ быть, даже безъ его вѣдома. Всего вѣроятнѣе, что самъ хозяинъ погреба, бойкій и сообразительный торговецъ, задумалъ извлечь выгоду изъ такого торговаго приема—«вотъ, молъ, достопочтенные господа покупатели, какое вино у меня въ погребѣ имѣется: самъ господинъ Писемскій, извѣстнѣйшій и высоко-талантливый сочинитель, дѣлаетъ на это вино «особые заказы».

По словамъ Аполлона Николаевича Майкова, Писемскій не былъ разборчивъ въ винахъ.

— Нечего грѣха таить,—разсказывалъ Аполлонъ Николаевичъ:— Писемскій въ пріятельскихъ собраніяхъ пивалъ все, что попадется подъ руку. На вечеринкахъ у покойнаго Мея, тоже любившаго пображничать, я видалъ его, и не однажды, въ значительномъ подпитіи. Надо сказать правду, интересенъ онъ былъ въ такомъ состояніи, воодушевлялся и сыпалъ остроумными выраженіями, въ особенности сначала, пока еще не ослабѣвалъ въ борьбѣ съ хмелемъ. У Мея на вечеринкахъ вина всегда было большое изобиліе, но плохенькаго, дешевенькаго; гости собирались у него тоже не-

затѣйливые, къ Ивашкѣ Хмельницкому весьма дружественные— и выпивали изрядно. Самъ Мей быть въ этомъ случаѣ для нихъ примѣромъ: бывало, прежде другихъ порядочно хлебнетъ винца и начнетъ декламировать стихи, только что испеченные въ этотъ день. Алексѣй Теофилактовичъ тоже не отставалъ отъ другихъ въ поклонахъ Ивашкѣ Хмельницкому и, правду надо сказать, не только не отставалъ, а даже перегонялъ многихъ. Стихи у Мей частенько бывали скороспѣлые, попросту сказать, плохіе, и Писемскій не разъ обрывалъ его, не давая окончить декламациі. «Ты, братъ, того, да, ты перестань, не смущай честной народъ», громко возглашалъ онъ: «давай лучше, чокнемся и ну ихъ къ чорту, твои стихи».—«Ну, что жъ, чокнуться можно», бормоталъ Мей уже замѣтно заплетающимся языкомъ: «давай».—«Ну, стало быть, будь здравъ и не суесловъ», подхватывалъ Писемскій: «помни: «Служенье музъ не терпитъ суеты, прекрасное должно быть величаво... Понимаешь»? Однажды, во время ужина, Писемскій, разговаривая и волнуясь, налить вмѣсто вина въ стаканъ уксусу, опорожнить почти весь стаканъ въ два-три глотка—и не поморщился. Я замѣтилъ и говорю: что вы, голубчикъ, пьете,—вѣдь это уксусъ!—«Оно точно что... пожалуй, похоже...» задумчиво отвѣтитъ онъ: «да все равно,—винишко у Мей всегда дрянъ!

По происхожденію своему, Писемскій принадлежалъ къ старинному роду костромскихъ дворянъ, но вѣтвь, отъ которой онъ происходитъ, была совершенно захудалая. Дѣдъ его, какъ писалъ онъ въ своей автобіографіи (Исторія литературы, Н. Полевого, стр. 490), былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Но изъ отдаленныхъ его предковъ одинъ былъ думный дворянинъ, ѣздившій посломъ отъ Грознаго царя къ Елисаветѣ, королевѣ англійской (въ августѣ 1582 г.), а другой предокъ удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ, въ сонмъ которыхъ доселѣ именуется Макаріемъ Писемскимъ, и мощи его почіюють въ Макарьевскомъ, на рѣкѣ Унжѣ, монастырѣ. Судьбу отца Алексѣя Теофилактовича устроилъ богатый родственникъ, малороссійскій помѣщикъ: онъ взялъ его къ себѣ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, пообмылъ, пообчистилъ, выучилъ грамотѣ и опредѣлилъ потомъ въ военную службу солдатомъ. Отецъ прослужилъ въ арміи тридцать лѣтъ и вернулся на родину въ Костромскую губернію въ чинѣ майора, но вернулся «пѣшкомъ». Такъ рассказывать объ этомъ самъ Алексѣй Теофилактовичъ, но почему отецъ его возвратился на родину пѣшкомъ—объ этомъ неизвѣстно. Что путешествіе его съ мѣста службы въ родныя палестины пѣшкомъ не вызывалось никакими провинностями, объ этомъ свидѣтельствуется то обстоятельство что по возвращеніи на

родину, онъ получилъ мѣсто на государственной службѣ,—былъ городничимъ въ Ветлугѣ, гдѣ и провелъ свое дѣтство Алексѣй Теофилактовичъ.

Несмотря на захудалость его рода, дворянскія наклонности замѣчались у Писемскаго во многомъ,—и въ манерѣ держаться, и въ выборѣ блюдъ для стола, всегда затѣйливыхъ, и вообще во всемъ образѣ жизни. Такъ, напримѣръ, онъ, живя въ Москвѣ, отправлялся зимою въ театръ не иначе, какъ въ сопровожденіи лакея, котораго сажалъ на козлы рядомъ съ извозчикомъ (Во второй половинѣ жизни онъ переселился изъ Петербурга въ Москву и служилъ тамъ въ губернскомъ правленіи совѣтникомъ). Была у него «при комнатахъ» какая-то дѣвочка-подростокъ, которую онъ называлъ «дѣвка-Малашка». За невозможностью почему-либо взять съ собою лакея, онъ бралъ эту «Малашку», сажалъ ее тоже на козлы извозчицыхъ саней, но непремѣнно лицомъ къ себѣ и строго-настрого внушалъ, чтобы она отмахивалась даннымъ ей въ руки зонтикомъ отъ извозчиковъ, ѣхавшихъ позади его.

— Ты, дѣвка-Малашка, тычь въ морду лошадей, которыя ежели наѣзжаютъ на насъ. Понимашь, тычь въ морду!

— Слушаю, баринъ, мнѣ что... Я буду тыкать, только извозчики-то ругаются.

— Чортъ ихъ побери, пусть ругаются, брань на вороту не виснетъ, а ты знай свое дѣло, тычь, которые ежели...

«Сидить, бывало, въ санихъ», рассказывалъ Максимовъ: «коренастый, сутоловатый, въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и обвязанный иной разъ при непогодѣ сверхъ воротника еще шерстянымъ шарфомъ, и ворчитъ:

«— Что ты, дѣвка-Малашка, упи-то развѣсила, вишь, напираютъ сзади. Тычь, говорю, лошадь въ морду, ахъ ты, немытая образина!..»

Въ выраженіяхъ онъ не стѣснялся и, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не лазалъ.

Покойная Стрепетова, прославившаяся вполнѣдствіи исполненіемъ роли въ его пьесѣ «Горькая судьбина», рассказывала о ея первомъ свиданіи съ нимъ.—«Прихожу, говоритъ, къ нему, прошу прислугу доложить... «Нельзя», шепчутъ и переглядываются между собою, обѣ—деревенскія дѣвочки, подростки, грязновато одѣтыя.—Почему нельзя?—спрашиваю.—А потому,—говорятъ,—что спитъ еще.—Какъ спитъ? Второй часъ дня.

— Ночь цѣлую,—говорятъ,—не спалъ, все за бумагами сидѣлъ. И не знаю ужъ, услыхалъ, что ли, онъ нашъ тихій разговоръ въ передней, или случайно вышелъ изъ кабинета, только вижу, что это онъ самый и есть, Писемскій, по портрету его узнала.—Вамъ,

спрашиваетъ, что надо?—Такъ и такъ, говорю, имѣю до васъ дѣло...

— Гм... Дѣло? Какое дѣло?...

Я замаялась, оглянувшись на дѣвочекъ и думаю, неужели мнѣ тутъ въ прихожей и при нихъ объяснять ему свое дѣло. Онъ догадался, видя мое смущеніе, и пригласилъ въ кабинетъ, но пригласилъ уже, не говоря «вы», а перешелъ сразу на ты.

— Ну, иди,—говорить,—сюда.

Я вошла за нимъ слѣдомъ въ кабинетъ. Онъ бухнулся въ кресло, ногу на ногу закинулъ и уставился на меня своими большущими выпуклыми глазами и правой рукой молча показалъ на другое кресло, стоявшее около письменнаго стола.

— Ну, стало быть, говори, какое у тебя ко мнѣ дѣло?

— Да вотъ, такъ и такъ, говорю, имѣю страсть къ театру желала бы на драматическія роли...

— Гм... гм...—закрихтѣлъ онъ,—я-то тутъ при чемъ?

— Пришла къ вамъ за совѣтомъ...

— Похвально. Это похвально. Молодымъ въ особенности подобаетъ съ старшими совѣтоваться. Такъ, такъ... Ну, въ чемъ же совѣтъ желаешь имѣть?

— Да вотъ именно въ томъ, куда мнѣ слѣдуетъ обратиться... Вы къ театру близки, укажите дорогу, какъ и къ кому надо путь держать...

— Гм... гм... Путь держать, говоришь. А на какія роли желаніе у тебя?

— На драматическія.

— На драматическія?—переспросилъ онъ и пытливо оглянулъ меня съ головы до ногъ.—Ишь ты! Фигурой ты, милая, не вышла,—вотъ что. Фигура плоховата—и мала и не того... понимаешь, не очень складна.

— Но вѣдь не въ одной фигурѣ вопросъ... Гм... гм...

— Да, да. Это точно...

Онъ покрывалъ, покашливалъ, оглянулъ меня опять съ головы до ногъ, помолчалъ потомъ минуту-другую, вотъ будто что-то соображая, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего, брякнулъ:

— А любовникъ есть у тебя?

Я смутилась и чуть слышно прошептала:

— Нѣтъ.

— И не было?

— И не было и нѣтъ... Къ чему, говорю, вы объ этомъ?

— Э... э!..—протянулъ онъ и порывисто поднялся съ кресла.— Къ чему? А вотъ къ тому, стало быть, что ты для этого дѣла не годишься... Вотъ что!

— Какъ такъ? Почему не гожусь?

— А потому и не годишься, что конфузлива очень, жизнь-то тебя еще не потерла, не обтесала. Да. Какая же ты можешь быть актриса, ежели у тебя любовника не было. Да еще и на драматическія роли! Ишь что выдумала. Это не резонъ! Нѣ-ѣ-тъ, не та матерія! Вотъ ежели бы ты, понимаешь, имѣла любовника, да онъ бы тебя, значитъ, бросилъ, и ты бы пошла тошиться, да тебя бы добрые люди изъ воды вытащили, и стала бы ты послѣ этого пробираться Христовымъ именемъ изъ деревни въ деревню, верстъ этакъ, примѣрно, полтораста или двѣсти, до какого-нибудь, скажемъ, родственнаго пристанища,—вотъ тогда бы изъ тебя драматическая актриса вышла...

Изумилъ онъ меня всѣмъ, и разговоромъ своимъ, и безцеремонностью обращенія, и обстановкой его жизни.—Однако,—заключила она,—когда онъ выслушалъ два-три моихъ монолога, измѣнилъ обо мнѣ мнѣніе.

Писемскій былъ чистѣйшій русскій самородокъ. Одинъ изъ современниковъ въ своихъ воспоминаіяхъ говоритъ о немъ: «Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходишь, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ. Въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его нрактическаго ума и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными въ средѣ тогдашнихъ образованныхъ людей. Онъ отлично зналъ Россію, коренную Россію, не по учебникамъ и не по журнальнымъ статьямъ, а по личному опыту изученія и долговременнаго въ ней пребыванія. Поэтому онъ являлся несокрушимымъ противникомъ въ спорахъ со всѣми идеалистами и теоретиками».

Помню рассказъ о немъ уже изъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, когда онъ, огорчаемый равнодушіемъ публики къ его «Масонамъ» и общимъ молчаніемъ о нихъ печати и семейными своими невзгодами, сопѣлъ и отпыхивался и бранился.

— Свиньи,—ворчалъ онъ:—хрюкаютъ, а дальше своего корыта ничего не видятъ...

Какъ-то разъ на вопросъ, почему онъ пересталъ писать романы, онъ глубоко вздохнулъ, посмотрѣлъ гнѣвнымъ взглядомъ на спрашивавшаго и отвѣтилъ:

— Написано довольно, пора и перестать.

— Почему—пора?

— А потому, что всякому овощу свое время. Понимаешь? Сказано: «время обниматься и время уклониться отъ объятій».

— Но вѣдь Тургеневъ пишетъ. Почему и вамъ не слѣдовать его примѣру?

— Эва! Тургеневъ! Ха, ха!.. Иванъ Сергѣевъ, говоришь, пишетъ?.. Что жъ изъ этого? Онъ, значить, самъ по себѣ, а я, стало быть, тоже самъ по себѣ.

— Но онъ не старше васъ.

— А кто его знаетъ, можетъ—старше, можетъ—моложе. Я на его крестинахъ не былъ. Моложе ли, старше ли,—это его дѣло, оно, значить, при немъ и останется. А я вотъ что тебѣ скажу,—года тутъ ни при чемъ. Стало быть, Ивану Сергѣеву и книги въ руки. Пишетъ, значить,—можетъ. Слыхалъ я, что онъ еще и съ бабами путается, а меня ужъ грѣхъ-отъ оставилъ.

Сохранился у меня въ памяти еще разговоръ его о портретѣ, написанномъ съ него В. Г. Перовымъ по заказу для Третьяковской галлерей, подаренной впоследствии Третьяковымъ городу Москвѣ.

— Ну, одолжилъ!—ворчалъ Алексѣй Теофилактовичъ:—штобъ ему ни дна, ни покрышки. Знай я объ этомъ раньше, не согласился бы позировать.

— Почему же, —спрашивали знакомые:—развѣ нехорошъ портретъ?

— Гм... Не знаю. Говорятъ, хорошъ. По работѣ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ хорошъ, а по-моему—скверно.

— Въ чемъ же скверно? Что именно?

— А вотъ то именно, что на портретѣ—не я. Парень я—всѣ говорятъ—не глупый, а онъ свинью нарисовалъ!

— Извините, Алексѣй Теофилактовичъ,—дозвольте сдѣлать вамъ одно маленькое замѣчаніе.

— Ну? Что такое, насчетъ чего?

— А насчетъ того именно, что рисуютъ карандашами и перомъ, а красками пишутъ...

— Ну вотъ еще выискался какой объяснитель. Убирайся-ка ты отъ меня къ семи чертямъ!..

Впоследствии, спустя лѣтъ десять или пятнадцать послѣ моей встрѣчи съ нимъ у С. В. Максимова, мнѣ еще разъ пришлось увидѣть его въ Петербургѣ. Тогда онъ уже совсѣмъ перекочевалъ въ Москву и появлялся въ Петербургѣ только временно на нѣсколько дней. Шелъ онъ сторбившись, уныло поникнувъ большой головой, и хмуро поводитъ глазами направо и налево, точно опасаясь какой-нибудь непріятной встрѣчи. Я, не будучи съ нимъ близко знакомъ, перешелъ намѣренно на противоположную сторону тротуара и всего болѣе именно потому, что замѣтилъ, въ какомъ онъ мрачномъ настроеніи духа находился,—и не пожелалъ напо-

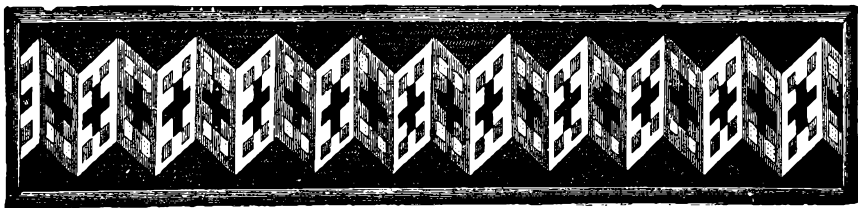
мнить ему о себѣ, о нашей когда-то встрѣчѣ у Максимова. Можетъ быть, опять были у него непріятности по сценѣ, послѣ которыхъ онъ, по отзывамъ лицъ, близко его знавшихъ, часто сваливался въ постель и собирался умирать. Въ стихахъ покойнаго Б. О. Алмазова есть даже о немъ такія строки:

А Писемскій часто при мнѣ умиралъ,
Разъ сорокъ. Какія страданья!
Отходную грустно предъ нимъ я читалъ,
А онъ диктовалъ завѣщанье.

Скончался онъ на 61 году (родился 10 марта 1820 года † 21 апрѣля 1881 года). Въ память двадцатипятилѣтія, прошедшаго со дня его смерти, и въ заключеніе моихъ о немъ воспоминаній скажу: миръ его праху! Интересный и въ высокой степени оригинальный былъ онъ человекъ.

Д. И. Стахѣвъ.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

(Листочки изъ воспоминаній).

IV¹⁾.

(Первые шаги въ литературѣ. — Прошлое Кяхты. — Купцы. — Администраторъ-краснобай и бразжники).

РОДОЛЖАЮ мои воспоминанія. На сей разъ—два слова о моемъ выступленіи на литературный путь.

Первая статья была послана мною въ печать изъ Кяхты, гдѣ я прожилъ нѣсколько лѣтъ по торговымъ дѣламъ моего покойнаго отца. Статья была послана въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и напечатана въ нихъ въ осеннихъ номерахъ 1857 года. Съ этого времени до 1864 года, во весь періодъ моихъ многотрудныхъ скитаній по Сибири и Амурской области, я почти ничего не нанечаталъ, хотя писалъ много прозой и стихами, но не напечатанное частію оставалось у меня въ бумагахъ, въ ожиданіи будущаго, а большею частію бросалось въ огонь. Въ немъ, такъ сказать, закалялись, возрождаясь въ пламени, мои духовныя силы.

Наступило, наконецъ, такое время, когда будущее, давно ожидаемое, сдѣлалось настоящимъ,—я перекочевалъ въ Петербургъ на постоянное жительство и ухватился обѣими руками за мои уцѣлѣвшія отъ огня рукописи. Это случилось въ концѣ 1864 года, а въ слѣдующемъ, не помню, въ какомъ мѣсяцѣ, я отнесъ мою

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» т. CVII, стр. 846.

первую большую статью (въ два печатныхъ листа) въ редакцію журнала «Русское Слово».

Эта статья, какъ и первая, помѣщенная въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», была тоже о жизни въ Кяхтѣ, о торговыхъ ея дѣятеляхъ п о тѣхъ ложныхъ путяхъ, по которымъ они брели въ своихъ торговыхъ дѣлахъ. Она, болѣе подробная, чѣмъ первая, надѣлала въ свое время не мало шуму въ средѣ московскаго и кяхтинскаго купечества. Мой знакомый старичокъ, кяхтинскій купецъ Иванъ Андреевичъ Носковъ, былъ въ это время въ Петербургѣ по дѣламъ «торгующаго на Кяхтѣ купечества». Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ первый же день по выходѣ книжки «Русскаго Слова», въ которой была помѣщена моя статья о Кяхтѣ, пріѣхалъ взволнованный и разсерженный.

Какъ сейчасъ помню, онъ ввалился въ комнату въ верхнемъ пальто и въ калошахъ и грохнулся въ первое подвернувшееся подъ руку кресло, тяжело отпыхиваясь.

— Что же это ты,—говоритъ,—братецъ мой, дѣлаешь, а? На что это похоже! Уфъ! Усталъ, на силу поднялся... Ишь, куда тебя, обидчика, занесло...

— Да, высоконько... Но позвольте, въ чемъ дѣло, чѣмъ вы такъ взволнованы?

— И ты еще спрашиваешь! Хорошъ молодецъ! Раскритиковалъ всѣхъ насъ, кяхтинцевъ, да еще и улыбаешься.

— Да развѣ я неправду наисалъ?

— Ха! Неправду! Конечно, неправду. Преувеличилъ, осмѣялъ, освѣщеніе невѣрное придалъ всему дѣлу.

— Въ такомъ случаѣ,—говорю,—напишите возраженіе, разъясните дѣло въ надлежащихъ подробностяхъ.

— И напишу! Не обезсудь, голубчикъ, напишу. Всѣ твои нападки опровергну. Это ужъ само собой разумѣется. А все-таки прежде всего скажу тебѣ,—нехорошо! Да!.. Не порядокъ!.. Ты, братецъ мой, напоминаешь того ребенка, который, начавъ говорить, первое слово выпалилъ матери: дура!..

— Ну, что же! Дѣло возможное,—говорю,—бываютъ всякія матери.

— А заповѣди помнишь?—спросилъ онъ, прищуривъ глазъ.

— Помню.

— То-то. Чти, сказано, отца и мать.

— Заповѣди, Иванъ Андреевичъ, одно, а общественные порядки это ужъ другое.

— Поговори еще.

Онъ гнѣвно оглядывалъ мое убогое помѣщеніе, покачивалъ головой и вздыхалъ, видимо находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ моею статьей.

— Снимите,—замѣтилъ я,—верхнее платье, у меня не холодно. Выйдите, согрѣвшись, простудитесь, пожалуй, погода сырая.

— Безъ тебя знаю, обидчикъ. Не хочу снимать, сейчасъ уйду!

Искренно говоря, онъ, по характеру своему, былъ человѣкъ не гнѣвный, скорѣе добродушный. Статья его не разсердила, вѣрнѣе,—обидѣла, такъ какъ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ защитникомъ кяхтинской торговли и слылъ среди купечества великимъ дѣльцомъ въ этомъ отношеніи. Помню, одна кяхтинская дама при разговорѣ о немъ сказала: «Бурятское узкоглазое лицо, широкоскулый, а языкъ у него, какъ бритва. У насъ, при безрыбьи, онъ за крупнаго осетра идетъ и въ нашемъ муравейникѣ блеститъ, какъ мишура на бархатѣ». И вотъ вдругъ дѣятельность этого представителя интересовъ Кяхты и перваго человѣка среди «торгующаго на Кяхтѣ купечества» такъ рѣзко обезславила въ печати юноша, чуть не мальчикъ.

Замѣчу однакоже, что въ порицаніе кяхтинской монополюющей торговлѣ чаемъ попадались въ то время и въ газетахъ и въ журналахъ статьи, и не мало въ нихъ высказывалось упрековъ кяхтинцамъ, въ первомъ ряду которыхъ всегда красовался по защитѣ монополии Иванъ Андреевичъ. Въ «Современникѣ», помню, было сказано: «будущее русское купечество будетъ краснѣть за подобные темные подвиги своихъ предковъ», но вѣдь это были отзывы чужого человѣка и не возмущали Ивана Андреевича,—мало ли, молъ, что строчатъ писаки ради пятачка, тоже вѣдь люди пить, ѣсть хотятъ, а тутъ, молъ, свой, такъ сказать, братъ, торговаго сословія человѣкъ, руку на земляковъ поднимаетъ и съ такимъ дерзновеніемъ,—разумѣется, обидно! Находясь подъ впечатлѣніемъ такой обиды, онъ ни верхняго платья, ни калошъ не снялъ и, поднявшись послѣ высказанныхъ упрековъ съ кресла, пошелъ къ дверямъ, не успокоенный, напротивъ—обиженный. Несмотря на то, что мы были съ нимъ въ Кяхтѣ въ большой дружбѣ, онъ на прощанье мнѣ даже руки не подаль и только едва кивнулъ головой. Выйдя въ переднюю и уже взявшись за ручку входныхъ дверей, вспомнилъ наконецъ о моей женѣ.

— Кланяйся женѣ-то... Землячка вѣдь она моя.

— Хорошо. Покорно васъ благодарю.

— Гдѣ она, дома нѣту, что ли?

— Да, вышла по хозяйству...

— Охъ, охъ! Ее хотя бы пожалѣлъ. Она—кахтинская, обидно, чай, и ей... Эхъ, голова, голова! Какихъ ты дѣловъ натворилъ!

Онъ вздохнулъ, надвинулъ фуражку на брови и вышелъ изъ квартиры.

Возраженія на мою статью онъ все-таки не написалъ, не потому, что не могъ,—бойкій былъ старичокъ и къ писательству

весьма склонный,—но не рѣшился, и именно на томъ основаніи, что кяхтинцы отсовѣтовали, какъ потомъ, при восстановленіи нашихъ дружескихъ отношеній, онъ самъ мнѣ объяснилъ.

— Намѣревался я тебя, заносчивый молодой человѣкъ, подъ орѣхъ отдѣлать, да ужъ счастливъ твой Богъ,—ударъ прошелъ мимо.

— Почему же такъ?—спросилъ я.

— Ха! Почему! Говорю: счастливъ твой Богъ,—вотъ и все. Ты знаешь, я человѣкъ подначальный. Сказано въ писаніи: «твори волю пославшаго», ну вотъ поэтому, значить, и отмалчиваюсь. Довѣрители не разрѣшили писать возраженіе,—отмалчивайся, говорятъ, это лучше.

— Смотрите, лучше ли?

— Хе-хе,—засмѣялся онъ, прищуривъ глаза, и спросилъ:—ты басни Крылова помнишь?

— Положимъ, помню,—что жъ изъ этого?

— А вотъ то,—отвѣтилъ онъ:—что въ баснѣ сказано: «полаютъ да отстанутъ».

— Эхъ,—возразилъ я:—не въ томъ, Иванъ Андреевичъ, дѣло. Собачій лай—пустяки. О дѣлѣ нужно заботиться, объ улучшеніи его.

— Само собой!.. Ну только газеты, братъ, въ этомъ не помогутъ. Оно точно что... промышаль онъ, понизивъ тонъ,—слѣдовало бы отписаться, ну нельзя, не велятъ. И правда: «дальше въ лѣсъ, больше дровъ». Отмолчимся.

— Вы хотите запрудить рѣку,—напрасно. Прорвется ваша запруда.

— Посмотримъ. Начальство насъ знаетъ, на него надѣмся...

— То-есть это вы насчетъ поддержки монопольной торговли чаемъ?

— Да, да. Будемъ отстаивать ее, такъ сказать, не щадя живота.

Кяхтинцы, правду сказать, на начальство всего болѣе надѣялись и именно «не щадя живота». Такая ихъ энергическая самоотверженность выразилась однако только въ одномъ—въ ходатайствѣ и въ заискиваніяхъ у высокопоставленныхъ лицъ и въ подачѣ прошеній на высочайшее имя. Въ одномъ изъ послѣднихъ прошеній, высказавъ всѣ свои плаксивыя моленія, они заключили его слѣдующими словами: «спаси-погибаемъ!»

Такое заключеніе было, конечно, смѣшно въ виду всѣмъ извѣстнаго размаха роскошной кяхтинской жизни, въ которой десятки тысячъ тратились на прихоти, какъ одинъ грошъ. Спаси ихъ отъ мнимой гибели никто, разумѣется, не могъ, кромѣ ихъ же самихъ, а они никакой дѣятельности для этого спасенія не

проявляли и относились къ положенію кяхтинскаго торговаго дѣла съ поразительной безпечностью. Только и знали одно — посылать въ Петербургъ ходатайства и прошенія. Прошенія и ходатайства посылали они даже не съ почтой, а съ нарочною эстафетой. Эстафета, говорили они, внушительнѣе и болѣе вѣса будетъ имѣть въ глазахъ высшаго начальства: начальство сообразить и пойметъ, что ежели, молъ, по двѣсти рублей бросаютъ на эстафету, значитъ дѣло серьезное, и скорѣе приступить къ чтенію присланныхъ бумагъ. Съ составленіемъ и редактированіемъ такихъ бумагъ курьезовъ бывало не мало. Помню, одно изъ прошеній на высочайшее имя начиналось словами: «Вопросъ о кяхтинской торговлѣ»... и изъ-за слова «вопросъ» возникли споры. Одинъ изъ почтенныхъ старцевъ, Я. А. Немчиновъ, сдѣлалъ, на примѣръ, такое возраженіе:

— Невозможно, господа купцы, чтобы прошеніе, назначенное къ подношенію его императорскому величеству, начиналось словомъ «вопросъ». Это не полагается. Вдругъ, Господи благослови, послѣ словъ «ваше императорское величество» и вдругъ — «вопросъ». Это непочтительно!

— Да, да... Оно точно что... не укуратно! Да, само собою, такъ нельзя! — возразилъ нѣкто А. П. Парамоновъ, подписывавшійся на всѣхъ бумагахъ, подаваемыхъ въ таможеню: «Кяхтинскій второй купецъ».

Возраженія того и другого были приняты обществомъ во вниманіе, и слово «вопросъ» переставлено въ другое мѣсто, болѣе приличное, по мнѣнію купцовъ.

Подобныхъ курьезовъ при редактированіи бумагъ общественнаго значенія бывало не мало и, какъ это ни странно, споры возникали даже изъ-за того, на примѣръ, какъ будетъ приличнѣе написать: честь имѣю, или: имѣю честь. Одинъ изъ купцовъ, теперь тоже покойникъ давно, А. М. Лушниковъ, не разъ съ коварной усмѣшкой обращался къ заправителямъ дѣлъ, — къ старшинамъ торговой слободы (они выбирались ежегодно, въ числѣ четырехъ лицъ), — какъ будетъ приличнѣе подписать: «готовый къ услугамъ» или — «къ услугамъ готовый». Купецъ Н. М. Игумновъ, никогда не являвшійся на общественныя собранія, бывало, укоризненно покачиваетъ сѣдой головой, выслушавъ сообщенія о подробностяхъ засѣданія.

— Многодумные господа! Да! Многодумные! Охъ!.. — прошепчетъ, бывало, въ заключеніе сообщеній и перекрестится, взглянувъ на образъ.

Почему онъ крестился — Богъ знаетъ, всего скорѣе именно потому, что сознавалъ, насколько благоразумно, по милости Божіей, поступаетъ, уклоняясь отъ присутствованія на засѣданіяхъ «многодумныхъ» купцовъ.

И вотъ въ какихъ формахъ выражалась защита торговыхъ интересовъ кяхтинскими купцами. Далѣе этого они не шли.

Главнымъ руководителемъ и, такъ сказать, первымъ заи́мвалой въ хорѣ «торгующаго на Кяхтѣ купечества» былъ, разумѣется, И. А. Носковъ, бойкій и, не въ осужденіе сказать, безцеремонный человѣкъ. Онъ писалъ прошенія, онъ откомандировывался купцами въ Петербургъ для личныхъ предъ начальствомъ ходатайствъ, онъ давалъ указанія и тонъ въ направленіи общественныхъ дѣлъ и до того увлекался, точнѣе выражаясь, тщеславился сознаніемъ своего положенія въ средѣ кяхтинскаго общества, что запустилъ свои собственныя торговыя дѣла и въ концѣ концовъ—разорился. Но объ этомъ только къ слову, а не въ порицаніе. Да будетъ почтенна его память.

Вельможные петербургскіе чиновники, предъ которыми онъ «предстательствовалъ», какъ уполномоченный отъ «торгующаго на Кяхтѣ купечества», тоже, разумѣется, ничѣмъ не могли помогать уполномоченному даже въ смыслѣ совѣтовъ, такъ какъ сами они, погруженные въ обычныя заботы о служебныхъ своихъ успѣхахъ, не имѣли никакого понятія о томъ ложномъ пути, на который было поставлено кяхтинское дѣло ихъ сановными предшественниками, законодателями правилъ для мѣнновой торговли съ китайцами на Кяхтѣ.

Мѣстные представители власти тѣмъ болѣе объ этомъ не заботились, будучи погружены въ личныя свои дѣла и мечты о томъ, какъ бы выслужиться и получить переводъ изъ пустынныхъ сибирскихъ угловъ въ болѣе привлекательное мѣсто гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи и по возможности поближе къ Петербургу, откуда какъ изъ рога изобилія сыплются на чиновный міръ чины и ордена, и пенсіи, и награды, и пособія,—словомъ, все то, чѣмъ живъ чиновный російскій человѣкъ. Если даже иной шустрый и самонадѣянный представитель власти вмѣшивался въ кяхтинскія торговыя и общественныя дѣла, то вмѣшательство его въ большинствѣ случаевъ обнаруживало только его умственную скудость и неумѣнье исполнять тѣ высокія обязанности, которыя Божіимъ поущеніемъ были на него возложены.

Напримѣръ, помню, бывшій въ мое время градоначальникомъ въ Кяхтѣ Деспотъ-Зеновичъ, весьма бойкій и смѣлый администраторъ (по крайней мѣрѣ, таковымъ его признавали кяхтинскіе купцы), проявилъ свою дѣятельность прежде всего тѣмъ, что началъ заботиться о внѣшней красотѣ построекъ въ торговой слободѣ Кяхтѣ, потомъ сталъ указывать купечеству на необходимость улучшеній общественной жизни именно въ томъ смыслѣ, чтобы поставить эти улучшенія на европейскую ногу. Для этого первымъ дѣломъ было признано необходимымъ одѣтъ швейцара кяхтин-

скаго общественнаго собранія въ форменный, позументомъ обшитый кафтанъ съ какою-то присущей этой формѣ эпитрахилью черезъ плечо и дать ему въ руки булаву для того, чтобы онъ стоялъ въ указанное время гдѣ слѣдуетъ въ своемъ шутовскомъ кафтанѣ и съ булавой въ рукахъ. Видѣть этого швейцара въ парадномъ нарядѣ въ такомъ далекомъ медвѣжьемъ углу, въ которомъ, кромѣ узкоглазыхъ и широкоскулыхъ китайскихъ и монгольскихъ лицъ да еще мохнатыхъ сибирскихъ собакъ, никого не встрѣчалось на улицахъ по цѣлымъ часамъ, — было трогательно: ишь ты, молъ, какой европейской цивилизаціи нахватались кяхтинскіе купцы.

Такъ могъ подумать иной простодушный пріѣзжій торговый человѣкъ, и мнѣ кажется, что именно о впечатлѣніи на этого пріѣзжаго торговаго человѣка Деспотъ-Зеновичъ всего болѣе и заботился въ этомъ случаѣ. Потомъ за реформой въ одеждѣ швейцара послѣдовали новыя преобразованія, появился хоръ музыкантовъ, въ большемъ, чѣмъ прежде, ихъ числѣ, отдѣлка кяхтинскаго общественнаго собранія «по-европейски», потомъ библіотека при собраніи, вечера съ танцами, улучшенная аптека, акушерка и т. д. и т. д. все это для обывателей слободы. Но вотъ задача главная! — все это почему-то заводилось не на личныя средства купцовъ, а на деньги, собираемыя «на торговыя нужды». Дальше больше. Дошло, наконецъ, до того, что «въ погонѣ за цивилизаціей» Деспотъ-Зеновичъ сталъ трактовать съ кяхтинцами о томъ, что необходимо итти «наравнѣ съ вѣкомъ», необходимо издавать въ торговой слободѣ Кяхтѣ собственную газету, — въ Кяхтѣ, гдѣ было счетовъ всего тридцать восемь домовъ. Необходимость эту купцы едва ли признавали правильною, но какъ ни какъ, а все-таки въ общественномъ собраніи, и, разумѣется, большинствомъ голосовъ, рѣшили принять предложеніе Деспота-Зеновича и завести газету. Выписали купцы все для этого потребное, начиная отъ типографскаго шрифта до наборщиковъ, метранпажей и корректоровъ включительно, и стали кяхтинцы издавать газету, которая расходилась въ сотни-другой экземпляровъ, а содержаніе ея въ годъ стоило тысячи три-четыре.

Градоначальникъ памятенъ мнѣ въ особенности своимъ краснорѣчіемъ и сознаніемъ собственного величія. Къ слову сказать, онъ, жившій въ г. Троицкосавскѣ, отстоявшемъ отъ торговой слободы Кяхты на четыре версты, вызывалъ къ себѣ на квартиру (помѣщался въ большомъ казенномъ домѣ) всѣхъ кяхтинскихъ купцовъ официальнымъ приглашеніемъ чрезъ свою канцелярію. Получивъ такія приглашенія, купцы пожимали плечами, тяжело вздыхали и перешептывались между собой.

— Оятьъ призываетъ, — вотъ напасть!

— Что дѣлать, братцы, терпѣть надо!—робко заявляли болѣе мирные и молчаливые.

И ѣдутъ, бывало, купцы въ числѣ сорока, а иной разъ полусотни лицъ къ градоначальнику въ Троицкосавскъ и слушаютъ его начальническія рѣчи. Онъ, случалось, заливался цѣлые полчаса, наслаждаясь своимъ краснорѣчіемъ, а купцы стоятъ сплоченной кучей въ дверяхъ и около дверей въ пріемной залѣ его квартиры и хлопаютъ ушами. Наговорится онъ иной разъ до того, что самъ начинаетъ чувствовать утомленіе отъ своей рѣчи и распуститъ купцовъ по домамъ. Купцы, спускаясь съ лѣстницы, перешептываются, покачиваютъ головами, нѣкоторые почесываютъ затылки, вообще—негодуютъ.

— Да къ чему онъ клонить?

— А кто его знаетъ! Много говорилъ,—слышали, чай, сами... И о цивилизаціи и объ Англіи что-то, а куда гнетъ—не скоро поймешь. Вотъ пришлетъ бумагу, разберемъ.

— И опять что-то насчетъ расхода изъ общественныхъ суммъ...

— Это ужъ—само собой. Иначе зачѣмъ бы собирать насъ?

— Мудрено! Иванъ Андреевичъ, какъ думаешь? Ты въ первыхъ рядахъ стоялъ.

— Погодите. Пришлетъ бумагу, виднѣе будетъ.

Выползали они одинъ за другимъ на улицу, запруженную ихъ экипажами, усаживались, кто въ коляску, кто въ двухколесный кабриолетъ, и вздыхали, недоумѣвая, за что Господь посылаетъ наказаніе.

И вотъ что удивительно: ни одинъ изъ купцовъ, призывавшійся на выслушиваніе градоначальническихъ рѣчей, не задавался при этомъ мыслию: зачѣмъ и по какому нраву одинъ человѣкъ можетъ такъ безцеремонно вызывать къ себѣ за четыре версты полсотню торговыхъ людей и держать ихъ чуть не въ дверяхъ залы, не пригласивъ никого сѣсть? Чего бы, казалось, цѣлесообразнѣе было ему самому пріѣхать въ торговую слободу, въ общественное собраніе и тамъ повести рѣчь съ купцами. Такъ нѣтъ: одинъ командуетъ надъ всѣми, а они, какъ покорныя овцы, оставляютъ свои дѣла и ѣдутъ къ нему выслушивать его продолжительныя разглагольствованія о европейскомъ прогрессѣ и цивилизаціи.

Надо отдать справедливость, говорилъ онъ красно, съ жестами, отличавшимися нѣкоторой театральностью. Онъ былъ въ тѣ годы красивой наружности, высокаго роста, статный, съ выразительными темными глазами, носилъ густые усы и видимо холилъ ихъ и расчесывалъ, любясь самъ собою. Родомъ онъ былъ полякъ и, вѣроятно, въ костелахъ насмотрѣлся, съ какими жестами произносятъ ксендзы свои горячія проповѣди, какъ величественно поднимаютъ руки, потрясаютъ ими въ воздухъ и закатываютъ глаза

подъ лобъ. Но вотъ въ чемъ смѣшная сторона его краснорѣчія, — палилъ онъ, такъ сказать, по воробьямъ изъ пушки и всего чаще пальба его ограничивалась предѣлами крошечными, которые дальше швейцарской булавки, никому не нужной газеты и излишней роскоши въ приѣмъ высшихъ властей не заходили. Кяхтинскіе воробьи, разумѣется, соглашались съ его указаніями и дѣлали все то, что онъ предлагалъ «въ интересахъ общественныхъ». Кое-кто изъ болѣе сообразительныхъ, положимъ, морщился, мычалъ себѣ подъ носъ возраженіе и шепталъ на ухо сосѣду:

— Говорить красно, а все непутевое.

Покойный А. М. Лушниковъ, не лишенный нѣкотораго знакомства съ литературой, замѣчалъ иногда въ заключеніе купеческихъ отзывовъ о градоначальникѣ.

— Слова, слова, слова! — произносилъ онъ, поглаживая свои щетинистые усы.

Но и сатирическіе отзывы его и робкое мычанье нѣкоторыхъ купцовъ о «непутевыхъ» предложеніяхъ градоначальника цѣли не достигали: предложенія его принимались за приказанія и исполнялись.

Жизнь въ Кяхтѣ, правду надо сказать, была, если можно такъ выразиться, угощательная. Поили, кормили и награждали всѣхъ, кто этого желалъ. Купцы могли, перефразируя слова Фамусова, сказать про себя: «у насъ дверь отперта для званныхъ и незванныхъ, а въ особенности для чиновниковъ, и чѣмъ чинъ выше, тѣмъ ему и угощенія больше». И не только чиновниковъ они радушно угощали, а и своихъ собратьевъ, приѣзжихъ купцовъ. Приѣдетъ, напримѣръ, изъ Иркутска какой-нибудь, но словамъ купцовъ, «икрянный лещъ», кяхтинцы даютъ ему обѣдъ и собираются на пиршество во всемъ своемъ составѣ, въ числѣ сорока и пятидесяти человѣкъ. Приѣдетъ другой, иной разъ спустя послѣ перваго черезъ недѣлю или двѣ, — опять обѣдъ, третій — тоже, и такъ обѣдъ за обѣдомъ, пиршество за пиршествомъ устраиваются во всю осень и зиму вплоть до весны, когда приѣздъ торговыхъ людей ослабѣвалъ, обмѣнъ товаровъ на чай и покупка ихъ на серебро и золото затихала на все лѣто. Но когда въ торговую слободу наѣзжалъ самый большой лещъ и самый икрянный, каковымъ именовался купцами генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, тогда пиршества, обѣды, ужины, фейерверки устраивались съ безпримѣрною роскошью, несмотря ни на времена года и ни на какое состояніе погоды. Тогда ѣли и пили и въ кяхтинскомъ общественномъ собраніи, и въ китайскомъ городкѣ Найматчинѣ. У китайцевъ заказывались обѣды въ шестьдесятъ блюдъ, и шампанское при этомъ лилось, какъ говорится, рѣкой, нимало не стѣсняясь сосѣдствомъ съ горячей китайской водкой, майгулу,

которую и самъ генераль-губернаторъ, блаженный и вѣчно достойная памяти графъ Муравьевъ-Амурскій, и весь штатъ его чиновниковъ выпивали тоже не безъ удовольствія и не безъ любопытства.

Пили въ Кяхтѣ вообще изрядно, пили и въ честь наѣзжавшихъ «лещей», пили и безъ нихъ, какъ говорится, сами по себѣ. Иной разъ обѣды устраивались по случаю пріѣзда торговаго человѣка, пріятеля двухъ-трехъ кяхтинскихъ купцовъ, ему дѣлали почетъ общественнымъ обѣдомъ, знакомили съ другими кяхтинцами, — хорошій, молъ, человѣкъ, и, стало быть, потрапезуемъ съ нимъ всѣ вкупѣ и «обща» опорожнимъ десятокъ, другой бутылокъ заграничнаго шипучаго вина. А потомъ, спустя нѣкоторое время, устраивали ему опять обѣдъ, на сей разъ прощальный, Богъ знаетъ, молъ, когда еще придется увидаться съ нимъ, а потому потрапезуемъ еще разъ за его здоровье и пожелаемъ ему гладкой дороги и попутнаго вѣтра. Путина не близкая, къ Макарію на ярмарку катить, а можетъ и дальше, на Питеръ двинется, — какъ же такого путешественника не проводить съ хлѣбомъ съ солью и съ доброй чаркой заграничнаго шипучаго вина!

По части выпивки между кяхтинскими купцами были особенно выдающимися шесть-семь человѣкъ, — не буду называть ихъ фамилій, ибо давно уже имъ пропѣли «во блаженномъ успеніи вѣчный покой». У нихъ бывало съ утра, вмѣсто чаю и кофе, появлялась на столѣ закуска съ внушительной батареей бутылокъ и графиновъ и начиналось «карточное метаніе», продолжавшееся до обѣда, а потомъ, послѣ обычнаго подкрѣпленія силъ сномъ, снова начиналось и не прерывалось далеко за полночь.

Такое препровожденіе времени и такая борьба со спиртными напитками доводила нѣкоторыхъ пріѣзжихъ купцовъ, менѣе, чѣмъ кяхтинцы, искусныхъ въ этомъ дѣлѣ, до того, что они ослабѣвали послѣ двухъ-трехъ дней «до ризъ ноложенія», и не разъ кяхтинцы, испытанные въ бражничествѣ, посмѣивались надъ ослабѣвшими гостями.

— Бодрствуй, друже, держись прямо, на бокъ не сдавайся. Давай, чокнемся. Ну, будь здоровъ!

— Не могу, благодѣтели, не могу. Ослабѣлъ!

— Эхма! Хороній человѣкъ, а такъ позорно ведешь себя!..

Помню такой разговоръ у одного изъ купцовъ, специалистовъ въ борьбѣ съ напитками.

Низкорослый и тощій пріѣзжій купецъ, прображничавши нѣсколько дней сряду со специалистами этого дѣла, жаловался, покачиваясь и една выговаривая слова:

— Уснуть не могу... И мухи, какъ на грѣхъ... одолѣваютъ меня!..

— А—а! Вотъ оно что!—засмѣялись кяхтинцы:—съ мухами воюешь! Брось! Пропашее это дѣло, не стоитъ съ ними связываться!

— Не могу, измучили!

— Пренебреги!

— Спать не даютъ...

— Ишь ты какія! Да не выпивши ли онѣ, а?—возразилъ шутивый кяхтинецъ:—гляди, выпивши. Отъ этого отъ самаго онѣ такія навязчивыя. Безпремѣнно—пьяныя. То-то я давеча по утру одну замѣтилъ такую. Представь, братецъ мой, пристала ко мнѣ негодная, такъ и лѣзетъ, а винищемъ отъ нея разить на всю комнату. Теперича я понимаю, отчего она такая назойливая!

— Ну? — въ недоумѣніи спрашиваетъ покачивающійся отъ хмеля купецъ.

— Это, надо полагать, другъ, она отъ тебя винищемъ-то насосалась!..

Такъ кяхтинцы подсмѣивались надъ ослабѣвшимъ собратомъ. Досмѣялись они и дображничаались до того, наконецъ, что чайное дѣло въ Кяхтѣ упало и Сибирь, на всемъ пространствѣ отъ Кяхты до Москвы, лишилась огромныхъ заработковъ отъ перевозки грузовъ—русскихъ товаровъ и китайскимъ чаевъ.

А между тѣмъ, будь въ средѣ купечества настоящіе дѣльные люди,—не говоря уже о бражникахъ,—будь во главѣ начальства не краснобай, а дѣйствительные администраторы, — кяхтинское дѣло могло еще долго держаться въ прежнемъ торговомъ положеніи, несмотря на то, что контрабандная доставка чаю чрезъ европейскія границы много вредила ей. Продержалось бы оно, можетъ быть, и до нашихъ дней и, можетъ быть, съ открытіемъ желѣзнодорожнаго пути въ Сибирь получило бы иное, болѣе прочное положеніе и развило бы и укрѣпило наши торговыя отношенія къ Китаю. Увы, все это теперь надломлено и надломлено именно съ того времени, къ которому относятся мои воспоминанія.

Нужно замѣтить, что торговое дѣло Россіи съ Китаемъ было при началѣ своемъ поставлено въ невообразимо стѣснительныя условія, ограждено такими узаконеніями, которыя не только не могли способствовать правильному развитію дѣла, а, напротивъ, тормозили его въ самомъ основаніи. Все это теперь, разумѣется, неоправимо, и говорю я объ этомъ только въ видахъ, такъ сказать, памятованія о прошлыхъ ошибкахъ, для избѣжанія ихъ въ будущемъ.

И купеческія отношенія къ торговому кяхтинскому дѣлу были тоже до невозможности небрежны, требовали контроля, нуждались въ исправленіи и самыя правила, на основаніи которыхъ были установлены торговыя дѣла съ китайцами. О хозяйственномъ распоряженіи денежными сборами на общественныя нужды и гово-

рить нечего,—разбрасывали ихъ во всѣ стороны безъ сожалѣнія, что, молъ, жалѣтъ,—деньги не наши, общественныя, туда имъ и дорога.

Такъ, напримѣръ, средства, собираемыя на торговыя нужды (по сорока копеекъ съ каждаго вывозимаго изъ Найматчина ящика чаю), тратились, какъ сказано выше, на удовольствія, на угощеніе властей, на прихоти начальства, а сумма такихъ сборовъ была огромная, такъ какъ черезъ таможеню вывозилось ежегодно изъ Кяхты до ста восьмидесяти тысячъ ящиковъ одного только байхового чаю, не говоря о кирпичномъ, котораго приобрѣталось отъ китайцевъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ ящиковъ и который тоже оплачивался сборомъ на торговыя нужды. Тратились эти сборы, однако, совсѣмъ не на торговыя нужды. Объ этихъ нуждахъ никто не заботился. Купцы знали одну заботу—ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о поддержкѣ кяхтинской торговли, о недозволеніи свободнаго ввоза чаю въ Россію чрезъ Одессу и другіе торговые города и писали прошенія на высочайшее имя съ плаксивыми возгласами: «Спаси—погибаемъ».

А между тѣмъ заботы стояли передъ глазами всего руссiйскаго купечества, на эти заботы указывали иностранцы, предлагали даже свое содѣйствіе и участіе въ ихъ выполненіи—и бесполезно: ихъ никто слушать не хотѣлъ. Поднимался разговоръ въ печати о необходимости устройства водяного пути по Ангарѣ и Енисею и по рѣкамъ Западной Сибири, писалось немало статей въ газетахъ объ улучшеніи путей сообщенія, способствующихъ удешевленію перевозки грузовъ, объ устройствѣ Кругобайкальской дороги, о пароходныхъ пристаняхъ на Байкалѣ, болѣе удобныхъ, чѣмъ тѣ, которыя тогда были. И всѣ эти толки печати оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

И теперь, въ наши дни, когда неудачная война съ Японіей раскрыла наши неурядицы и обнаружила ту плѣсень и тину, какою несетъ отъ всѣхъ начальническихъ предписаній и циркуляровъ, теперь, благодаря именно только этой войнѣ, снова заговорили о необходимости соединенія восточно-сибирскихъ рѣкъ съ рѣками Западной Сибири. Заговорили Богъ знаетъ на долго ли и Богъ знаетъ до чего договорятся, можетъ быть, власть имущіе поченутся, позѣвуютъ сладко въ разныхъ «временныхъ комиссіяхъ и комитетахъ» и отложить важный вопросъ подъ сукно. Примѣры бывали.

И Кругобайкальская желѣзная дорога тоже обязана своимъ открытіемъ войнѣ съ Японіей, и она выстроилась только потому, что насъ, русскихъ, сонныхъ увальней, раскачали наконецъ Японцы и заставили оглянуться на самихъ себя. Оглянулись мы и убѣдились, что сказанныя поэтѣмъ слова о русскомъ человѣкѣ могутъ имѣть вовсе не то значеніе, какое поэтъ имъ придавалъ. Онъ

говорить: «Не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный, что сквозитъ и тайно свѣтитъ въ наготѣ твоей смиренной». И теперь, въ наши дни, не только гордый иноплеменный взоръ, но и японцы-макаки поняли и уразумѣли, въ чемъ причина нашей «смиренной наготы».

Вотъ на какіе мотивы запѣлъ я, выступая на литературную дорогу. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ пятнадцать, а именно въ концѣ семидесятыхъ годовъ, покойный М. О. Вольфъ приобрѣлъ отъ меня право на напечатаніе моей статьи о Кяхтѣ въ издаваемой имъ «Живописной Россіи» и помѣстилъ ее въ томъ томѣ, въ которомъ отведено мѣсто статьямъ о Восточной Сибири. Въ числѣ этихъ статей есть нѣсколько и моихъ,—о Байкалѣ, о бурятахъ и о Забайкальской области, кромѣ того—вступительная статья о Восточной Сибири вообще.

Статья о Кяхтѣ, какъ я сказалъ выше, произвела на «торгующее на Кяхтѣ купечество» непріятное впечатлѣніе. И. А. Носковъ, огорченный и гнѣвавшійся на меня, скоро, положимъ, примирился со мною, сознавая въ глубинѣ души, что все высказанное о кяхтинской жизни и ея неурядкахъ справедливо. Но другіе купцы, имѣвшіе на Кяхтѣ значительныя торговыя дѣла, большею частью московскіе богачи, заволновались и разгнѣвались и всего болѣе потому, что не кстати раздались такіе неодобрительные отзывы о кяхтинской торговлѣ и главное—«не во благовременіи».

— Ахъ! — скорбно перешептывались они: — молчалъ бы пока что, а теперича, пожалуй, навредитъ нашимъ ходатайствамъ.

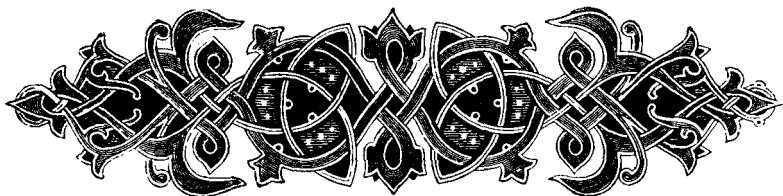
Огорчало ихъ всего болѣе то, что статья появилась въ такое время, когда въ правительственныхъ сферахъ и въ петербургской печати начались уже разговоры о необходимости разрѣшенія свободной торговли чаемъ.

— И сунуло его! — роптали купцы: — вотъ ужъ именно свинью подложилъ подъ ноги.

Купецъ Парамоновъ, подписывавшійся: «кахтинскій второй купецъ», богомольный и благочестивый человѣкъ, вздыхалъ и крестился, взглядывая на образа при разговорѣ обо мнѣ.

— Спаси его Господи, отчаянная голова! — шопотомъ произносилъ онъ, пугливо посматривая по сторонамъ. — Не ожидалъ я этого отъ него. Сейчасъ умереть—не ожидалъ! Такого многоуважаемаго родителя сынъ и такъ жарить съ плеча. Да! Не укуратная статья!

Д. И. Стахѣвъ.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

(Листочки изъ воспоминаній)¹⁾.

V.

Дѣятели «Русскаго Слова». — Насмѣшка «Искры» и журнальный водевиль съ переодѣваніемъ.

ЗДАТЕЛЬ журнала «Русское Слово» Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, охотно принявшій отъ меня статью о Кяхтѣ, поморщился, когда прочелъ мою вторую статью «Очерки бурятской жизни».

— Интересно-то оно, пожалуй, и интересно, — хмурясь сказалъ онъ: — напечатаю, конечно, и эту статью, но, помните, она не будетъ имѣть такого успѣха, какой выпалъ на долю статьи вашей о Кяхтѣ. Да, не будетъ.

— Но почему же? — спросилъ я.

— Гм... гм... Какой вопросъ! Понятно почему, — одна статья другой далеко не родня. Первая — горячая, въ носъ бьетъ, а эта вторая... Ну что въ ней? Бытовая — и только. Такія статьи успѣха не даютъ. Да! И знаете, что я вамъ скажу, — слушайтесь опытныхъ людей. Вы — новичокъ и тѣмъ болѣе вамъ необходимо прислушиваться къ нашему мнѣнію. Первое и самое главное для успѣха вотъ что — надо оживлять всякую статью, окрашивать въ яркіе цвѣта, чтобы она за версту бросалась въ глаза. Статья о жизни бурятъ этнографическая и яркихъ цвѣтовъ въ ней нѣтъ, — старайтесь ихъ найти, оживляйте статью встав-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 130.

ками, въ видѣ, напримѣръ, разсказовъ собесѣдниковъ. Эпизодически, понимаете, эпизодически разсказывайте о разныхъ тамъ, напримѣръ, злоупотребленіяхъ купцовъ, о взяточничествѣ чиновниковъ и т. п. Этнографія, значитъ, сама по себѣ, а разоблаченія сами по себѣ. Статья будетъ живѣе и — заиграетъ. Перцу прибавляйте больше, перцу.

Этотъ разговоръ съ Благосвѣтловымъ памятенъ мнѣ до сихъ поръ, несмотря на то, что съ доводами его я не согласился и въ статью бытовую никакихъ эпизодовъ вставлять не захотѣлъ. Онъ собственно на этотъ разъ и не настаивалъ и оговорился, что указанія свои даетъ «на предбудущее время». Памятенъ разговоръ съ нимъ и тономъ его рѣчи, нервной и нѣсколько какъ будто угрюмой. Разговорившись, онъ сталъ болѣе и болѣе возвышать голосъ и размахивать правой рукой. Кулакъ его при этомъ былъ сжатъ, онъ выразительно потрясалъ имъ въ воздухъ и потомъ, видимо утомившись отъ громкаго говора, зашипѣлъ змѣинымъ шопотомъ, гнѣвно сверкая глазами.

— Обличайте, разите неправду. Вытаскивайте на видъ злоупотребленія и поражайте злодѣевъ смѣлымъ словомъ!

Не помню, носилъ ли онъ очки, но выраженіе лица его памятно мнѣ именно своей... какъ бы поделикатнѣе сказать, — безсодержательностію. Онъ былъ менѣе чѣмъ средняго роста, носилъ усы щетинистые, напоминавшіе что-то грубое, солдатское, держался прямо и всей своей фигурой и манерами имѣлъ сходство, — не въ обиду сказать, — съ писаремъ какого-нибудь маленькаго казеннаго учрежденія. Въ департаментахъ, въ военныхъ штабахъ, въ переднихъ банкахъ иногда встрѣчаются лица съ подобными ухватками. Манеры у него были угловатыя, взглядъ подозрительный, рѣчь, при спокойномъ душевномъ состояніи, тихая и сдержанная, онъ видимо не договаривалъ всего, что думалъ, но зато въ раздраженномъ состояніи говорилъ громко, даже кричалъ и размахивалъ при этомъ крѣпко сжатымъ кулакомъ. Семинарское воспитаніе наложило на него прочную печать, и какъ онъ иной разъ ни старался держаться «по-господски» и говорить важнымъ и авторитетнымъ тономъ, но ни тонъ, ни манеры не удавались.

Помощникомъ его по «Русскому Слову», подписывавшимся редакторомъ, былъ Николай Александровичъ Благовѣщенскій. Онъ уже являлъ собою настоящаго, такъ сказать, безъ всякой шлифовки, семинариста. Рѣчь его была, что называется, безъ поддержки, грубая, нерѣдко дерзкая, въ особенности при разговорѣ о деньгахъ за полистную плату. Помню, я не разъ былъ свидѣтелемъ при такихъ разговорахъ. Приходитъ, напримѣръ, нѣкто Бажинъ, появившійся въ тѣ годы въ печати, потомъ впослѣдствіи пріютившійся въ «Наблюдателѣ» (уже лѣтъ тридцать спустя), а затѣмъ совершенно исчезнувшій гдѣ-то въ провинціи. Этотъ

Бажинъ былъ очень скромный, бѣдный и болѣзненный. Приходилъ онъ въ редакцію за деньгами, слѣдовавшими ему по журналу. Благовѣщенскій, завидя его, хмурился, перебрасывалъ по письменному столу корректурные листы и ворчалъ что-то себѣ подъ носъ. Робкій Бажинъ откашливался, стараясь обратить на себя вниманіе, и понемногу, медленно, шагъ за шагомъ, приближался къ столу, за которымъ сидѣлъ Благовѣщенскій.

— Здравствуйте... гм... гм... — тихо произносилъ онъ.

— А-а!.. Это вы? Что скажете, Николай Ѳедотовичъ!

— Да вотъ... гм... гм... всё то же, насчетъ презрѣннаго металла...

— Такъ-съ... Понимаю... Гм... Что же вамъ не терпится? Подождите еще дня три-четыре...

— Да вѣдь трудно... Необходимость...

— Вотъ выдумали! Эва что,—необходимость! У кого ея нѣтъ. Подождите, говорю, вотъ подписка понаберется, наскребемъ и вамъ тогда что слѣдуетъ. Не вы одни терзаете насъ проклятыми напоминаніями о деньгахъ!..

Такъ, бывало, проворчить, кидая исподлобья недружелюбные взгляды, и убѣжить изъ комнаты, заслышавъ изъ сосѣдняго помѣщенія призывающій его голосъ Благосвѣтлова.

Въ обращеніи съ Благосвѣтловымъ, какъ съ хозяиномъ журнала, онъ былъ, конечно, сдержанъ, указанія его и распоряженія выслушивалъ молча и съ примѣрнымъ терпѣніемъ, хотя Благосвѣтловъ иногда въ раздраженіи и бурчалъ на него весьма неласково. По редактированію журнала онъ, разумѣется, подчинялся во всемъ Благосвѣтлову, какъ вообще и почти всегда редакторы подчиняются въ этомъ отношеніи издателямъ, какъ хозяевамъ дѣла, и пословица: «Хозяинъ умнѣ мастера», всего чаще оправдывается именно въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Исключенія, конечно, бываютъ, но—рѣдко.

Благосвѣтловъ и Благовѣщенскій смотрѣли на журнальное дѣло прежде всего, разумѣется, съ матеріальной стороны; тамъ, молъ, что ни рассказывайте, а мы знаемъ, что подписка—прежде всего, безъ подписки намъ пропадать надо. Направленіе журнала—само собой, служеніе идеѣ—тоже само собой, но если, какъ говорится, «не попадешь въ точку» — безъ сапогъ останешься. Не знаю, были ли они искренни въ своемъ задорѣ, имѣли ли въ виду общественную пользу, но задору у нихъ было много, и, грѣшный человѣкъ, смѣю думать, что задоръ этотъ вызывался главнымъ образомъ желаніемъ именно «попасть въ точку». Въ точку они попали и подписчиковъ нашли не мало. Слова Благосвѣтлова: «Перцу побольше, перцу подсыпайте въ статьи», высказывались, несомнѣнно, съ тою мыслію, что перецъ этотъ всего вѣрнѣе и надежнѣе велъ къ увеличенію подписки.

Въ романахъ, печатавшихся въ «Русскомъ Словѣ», его всегда подсыпано было много. Между читателями, восторгавшимися главнымъ образомъ описаніями молодыхъ героевъ и героинь, возстававшихъ противъ «гнилыхъ устоевъ семейнаго деспотизма», попадались иногда и такіе, которые придавали этимъ описаніямъ совсѣмъ не то значеніе, которое имѣли въ виду авторы романовъ. Напримѣръ, въ одномъ изъ такихъ романовъ, изображавшихъ семейный гнетъ и протестъ героя, возставшаго противъ этого гнета, описывалось, какъ герой, жившій при родителяхъ въ довольствѣ, оставилъ отчій домъ и махнулъ въ Питеръ «искать свѣта». Описывалась въ романѣ та беспросвѣтная нищета, въ которой онъ очутился, пріѣхавъ въ Петербургъ, и то бодрое состояніе духа, въ которомъ онъ находился, переживая свои лишенія. Простодушный читатель съ видимымъ одобреніемъ отзывался иной разъ о такихъ произведеніяхъ и, чуть не захлебываясь отъ восторга, рассказывалъ въ своей семьѣ о впечатлѣніи, произведенномъ на него героемъ романа.

— Жилъ, скотина, у родителей въ довольствѣ, въ теплѣ, — бросилъ отцовскій домъ и попалъ въ нищету, холодъ и голодъ сталъ переносить. Такъ его, дурака, и надо! Хорошій романъ, — говорилъ онъ, — поучительный. Спасибо сочинителю!

Издатели-практики смотрятъ на журнальное дѣло, разумѣется, прежде всего съ матеріальной стороны. Идеалистовъ въ такихъ предпріятіяхъ бываетъ мало, а если иной разъ и встрѣчаются они въ несвойственной имъ дѣятельности, то появленіе ихъ на этомъ поприщѣ недолговременно. Подобно тому, какъ летятъ на огонь и гибнутъ ночныя бабочки, гибнутъ и издатели, взявшіеся за несвойственное имъ дѣло. Такъ, наприимѣръ, погибла въ семидесятихъ годахъ «Заря», издававшаяся нѣкоторое время Кашпиревымъ, и «Русская Рѣчь» Навроцкаго, тоже просуществовавшая, какъ говорится, безъ году недѣлю. Ранѣе ихъ, значительно ранѣе, лѣтъ, пожалуй, на двадцать, погибъ «Женскій Вѣстникъ», который издавали супруги Мессарошъ (издатель — жена, редакторъ — мужъ), но нужно, впрочемъ, оговориться, что они были уже ни въ какомъ случаѣ не идеалисты и не практики, а какъ бы поделкатнѣе выразиться... ну, скажемъ, — они были лица, не имѣвшія никакого отношенія къ литературѣ, а всего болѣе имѣвшія отношенія къ судебнымъ протоколамъ въ томъ участкѣ мирового судьи, въ которомъ находилась занимаемая ими квартира.

Благосвѣтловъ и Благовѣщенскій были не изъ идеалистовъ. Былъ ли Благовѣщенскій единомышленникомъ Благосвѣтлова и искреннимъ — этого сказать не могу, но, само собою, онъ дулъ всегда въ одну съ нимъ дудку.

Въ то время, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, подобныхъ единомышленниковъ было много и искреннихъ и притворныхъ, и Благосвѣтлову не представлялось трудности найти ихъ вездѣ и въ духовныхъ семинаріяхъ и въ университетахъ. Вопросы общественнаго значенія громоздились тогда одинъ на другой, порождая кривотолки и не только среди недоучившихся юнцовъ, но и въ огромной массѣ достопочтенныхъ сѣдовласыхъ жителей російскихъ селъ и городовъ. И освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, и судебная реформа, и дешевая водка и т. д. и т. д.—все сразу всплыло на поверхность моря русской жизни и взбудоражило ее сверху донизу.

Помню, одинъ стихотворецъ, теперь уже умершій, декламировалъ тогда мнѣ свои стихи: «Бросай эти старыятряпки—и мать, и отца и семью». Помню, одна барышня, тоже баловавшаяся стихами, если не ошибаюсь, Барыкова, выразилась въ стихахъ о своемъ нежеланіи нѣжиться въ «тепломъ навозѣ семейнаго счастья». И такой отзывъ о семейномъ счастьи былъ напечатанъ въ журналѣ, издававшемся самыми выдающимися тогда писателями, о которыхъ впослѣдствіи, спустя лѣтъ двадцать пять, Т. И. Филипповъ въ своемъ «Сборникѣ» высказалъ, что «ихъ слава составляетъ нашъ стыдъ» («Сборникъ» Т. И. Филиппова, стр. 289).

Благосвѣтловъ и Благовѣщенскій, приняхавшись къ дувшему въ описываемое время вѣтру, поставили паруса по его направленію и, какъ я сказалъ выше, «попали въ точку».

Разсказывать о томъ, какое направленіе имѣла въ тѣ годы литература, полагаю, нечего, — это всѣмъ извѣстно. Главная ея задача сводилась, можно сказать, къ одному — обличать, порицать, ломать все старое, ни на что будто бы не годное. «Современникъ» стоялъ впереди «Русскаго Слова» и тоже обличалъ, порицалъ и силился сваливать авторитеты, и ученые, и литературные, и церковные, и политическіе, тонъ его статей, надо отдать справедливость, былъ значительно мягче и рѣчь толковѣе. Но «Русское Слово» о тонѣ не заботилось, вѣрнѣе сказать, заботилось именно о томъ, чтобы онъ былъ намѣренно грубый и рѣзкій. Досталось тогда отъ этого журнала и Пушкину, и Пирогову, и университетамъ и институтамъ и всему складу русской жизни, начиная отъ высокихъ палагъ до хаты крестьянина.

Самые смѣлые и, такъ сказать, до безумія зазорные были въ «Русскомъ Словѣ» Писаревъ и Зайцевъ. Вся программа ихъ дѣятельности заключалась въ двухъ словахъ: «ломай и сваливай». По ихъ заключеніямъ, въ Россіи все было скверно, нелѣпо и ни къ чорту не годилось. Такія сужденія могъ, разумѣется, высказывать всякій дуракъ, ибо для этого не требовалось ни ума, ни воспитанія. Писаревъ силился свалить Пушкина, называлъ его въ своихъ скоропалительныхъ писаніяхъ дуралеемъ, Шекспира творенія

онъ ставилъ ниже и бесполезнѣе работы сапожника. Шелгуновъ, тоже бывшій въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Слова» и считавшійся его украшеніемъ, не менѣе Писарева и Зайцева потрудился въ порицаніи русской жизни. Онъ былъ менѣе рѣзокъ, чѣмъ Писаревъ и Зайцевъ, но тоже наговорилъ въ своихъ писаніяхъ не мало такихъ бездоказательныхъ осужденій, читая которыхъ теперь, изумляешься тому, какъ можно было дойти въ печати до такого издѣвательства надъ своей родиной. Запальчивость Писарева и Зайцева можно еще до нѣкоторой степени объяснить ихъ молодостію, но Шелгуновъ, имѣвшій въ то время уже лѣтъ сорокъ, могъ именно только удивлять каждого серьезнаго человѣка своими запальчивыми рѣчами.

Самооплевателями назвалъ кто-то такихъ писателей, и съ этимъ названіемъ нельзя не согласиться. Всего обиднѣе и больнѣе въ этомъ именно то, что подобное самооплеваніе не ограничивалось только писателями, его производившими, но распространялось среди молодежи, заражало ихъ неокрѣпшія головы, отравляло нравственность... И кто можетъ спорить противъ того, что наша «неучающаяся молодежь» — дѣти отцовъ того времени, — не усвоила отъ своихъ безпочвенныхъ родителей ихъ отрицательныхъ взглядовъ?.. Но объ этомъ помолчимъ. Стоитъ только вспомнить то, что творилось и творится теперь въ нашей изстрадавшейся родинѣ, чтобы уныло поникнуть головой и заплакать горькими слезами. Кто же двигатели такъ называемаго «освободительнаго движенія», кто эти студенты, превращающіе университеты — храмы науки — въ вертепы разбойниковъ. Они — дѣти отцовъ, выросшихъ во время безпорядочнаго шатанія русской мысли, слышавшихъ въ дни своей юности однѣ только насмѣшки надъ родной страной и отравлявшихся отрицательными ученіями. Къ нимъ именно и относятся слова Гоголя: «Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!» И увы, теперь «сыны беззаконія» уже не смѣются, а злобно завываютъ, грозятъ ужасами и требуютъ себѣ всевозможныхъ правъ, не признавая никакихъ обязанностей, ни заповѣдей Божіихъ, ни самого Бога.

До какой рѣзости и безцеремонности въ выраженіяхъ доходили писатели «Русскаго Слова», можно судить, напримѣръ, по слѣдующей фразѣ, которую привожу здѣсь дословно изъ повѣсти Потанина «Старое старится, молодое растетъ», помѣщенной въ тѣ годы въ «Русскомъ Словѣ». Вотъ она: «Если въ обществѣ встрѣтится мерзавецъ и подлець, такъ нечего его винить и судить, вините то общество, которое сдѣлало его мерзавцемъ и подлецомъ, отъ мерзавцевъ онъ вышелъ мерзавцемъ и отъ подлецовъ подлецомъ».

Мысль вѣрная, но какова форма выраженія, въ которой она высказана! Перцу тутъ, видите, подсыпано не только вдоволь, но даже до безобразія много. Думаю, что самъ главный руководитель журнала, Благосвѣтловъ, самодовольно улыбался и облизывался, читая такія строки: ловко, молъ, я его натравилъ.

Смѣю предположить, что такая разухабистая брань была по нраву и Благовѣщенскому, хотя онъ самъ въ своихъ писаніяхъ ея не придерживался. Въ его романѣ «Предъ разсвѣтомъ», запрещенномъ на первыхъ же главахъ, никого изъ описываемыхъ лицъ (всѣ они—священники, дьякона, дьячки) онъ ни мерзавцами, ни подлецами не называлъ, но, разумѣется, жизнь ихъ, душевныя свойства и взаимныя отношенія рисовалъ не въ розовомъ свѣтѣ. Также и въ статьяхъ его объ Аоонѣ подобной брани не было. Кстати сказать, статьи его объ Аоонѣ, давшія ему нѣкоторую извѣстность, серьезнаго вниманія не заслуживаютъ, да и тогда, въ дни «великихъ реформъ», восхищались ими только такія лица, которыхъ, какъ говорится, хлѣбомъ хоть не корми, только дай что-нибудь «забористое». Думаю, да проститъ мнѣ такой отзывъ покойный писатель, и не безъ основаній думаю, что любой изъ безусыхъ юнцовъ, исключенный изъ четвертаго, изъ пятаго класса гимназіи за свободомысліе, могъ бы настрочить такое же описаніе Аоона, какое настрочилъ Благовѣщенскій, и имѣлъ бы такой же успѣхъ... среди гимназистовъ, ему подобныхъ, и среди публики равнаю съ ними развитія.

Благовѣщенскій, какъ и самъ глава журнала, Благосвѣтловъ, имѣлъ тоже угловатыя манеры, говорилъ на ó, иностранныя слова, вставляемые въ разговоръ, произносилъ по-семинарски, въ родѣ, напримѣръ: ломъ—мужчина, лафамъ—женщина. Вставляютъ въ разговоръ иностранныя слова онъ, правду сказать, любилъ. Всего чаще я слышалъ отъ него слѣдующія: «индифферентно» и «игнорирую». Помню тоже, какъ онъ иногда, поглаживая свою маленькую бородку и прищуривая глаза, подобно коту, нѣжащемуся на солнцѣ, наслаждался собственной особой.

— М-м... да-а,—говорилъ онъ,—эта статья... м-м... мнѣ... какъ бы повѣжливѣе сказать,—не особенно благоприятна. Стараюсь объ этомъ... гм... гм... помолчать. Откровенно скажу, я къ такого рода писаніямъ отношусь индифферентно. Вотъ мое откровенное о ней мнѣніе. Разумѣется, я занимаю въ журналѣ не первое мѣсто и не могу сказать рѣшительнаго слова. Желаетъ Григорій Евлампіевичъ помѣстить ее—его дѣло, не желаетъ—тоже его дѣло. Я лично прошу объ этомъ игнорирую.

Эти слова Благовѣщенскаго мнѣ памяты, главнымъ образомъ, потому, что въ то время въ редакціи «Русскаго Слова» произошелъ какой-то внутренній разладъ между сотрудниками и издателемъ. Къ сожалѣнію, не помню, въ какой именно книжкѣ журнала «Русское Слово» было въ то время напечатано въ видѣ заявленія сотрудниковъ, что журналъ этотъ будетъ издаваться не однимъ Благосвѣтловымъ, а всѣми сотрудниками, на какихъ-то особыхъ артельныхъ началахъ. Какъ и почему именно заявленіе это попало на первую страницу,—не знаю, но что заявленіе оста-

лось только заявленіемъ; и журналъ остался попрежнему во власти собственника Благосвѣтлова—это само собою подтвердилось продолженіемъ изданія однимъ Благосвѣтловымъ. Видимо, былъ какой-то взрывъ со стороны сотрудниковъ, нѣчто похожее на захватъ изданія ими въ свои руки, но онъ или не удался, или Благосвѣтловъ во время спохватился и прервалъ замыселъ лицъ, покушавшихся на его собственность. Болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ этомъ взрывѣ я передать не могу.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ стариковъ, мнѣ подобныхъ, еще не освободившихся до сего времени отъ тлѣнныхъ одеждъ міра сего, расскажетъ подробности о внутреннемъ бунтѣ, происшедшемъ тогда въ редакціи «Русскаго Слова» и окончившемся безъ всякихъ послѣдствій.

Благовѣщенскій, помню, говорилъ мнѣ что-то намеками по поводу бунта, но по обыкновенію свелъ разговоръ на обычное свое заключеніе.

— Я, знаете... я этотъ вопросъ игнорирую,—вотъ и все!

Помню еще два слова, часто повторявшіяся имъ, а именно: «метаморфоза» и «метаплазмъ.» Онъ вставлялъ ихъ въ разговоръ при каждомъ удобномъ случаѣ и многозначительно закатывалъ при этомъ глаза въ самодовольномъ сознаніи своего редакторскаго значенія и яко бы ученой бесѣды.

«Ученныя бесѣды» дальше этихъ словъ, пожалуй, и не заходили, по крайней мѣрѣ я изъ разговоровъ съ Благовѣщенскимъ никогда не получалъ никакого даже намека на что-либо подобное.

Всего чаще разговоръ его и самого Благосвѣтлова съ сотрудниками ограничивался предѣлами грубыхъ отзывовъ и жалобъ на цензуру, которая, по словамъ Благосвѣтлова, «сидилась заковать русскую мысль въ кандалы».

Случалось видать, какъ онъ, получивъ изъ цензуры перечерканныя листы, расшвыривалъ ихъ по письменному столу и шипѣлъ змѣинымъ шопотомъ.

— Это что такое? Посмотрите,—развѣ это не посягательство на чужую собственность? Полюбуйтесь, какое самоуправство дозволяютъ себѣ узурпаторы власти! Вѣдь отъ статьи и десятой части не осталось. И какая прекрасная статья безжалостно исковеркана, окуржужена... Но скажите мнѣ, скажите вы, варвары чиновники,—кто мнѣ заплатитъ деньги за наборъ?

Могу себѣ представить, какіе перлы краснорѣчія уничтожались «узурпаторами власти», если въ подобныхъ статьяхъ оставались уцѣлѣвшими отъ уничтоженія «подлецы и мерзавцы».

— Расходы! Сколько расходовъ!—ворчалъ Благосвѣтловъ, порывисто пиная по своему кабинету и нервно подергивая плечами:—

тысячи тратятся на бесполезный трудъ... А не тратить—невозможно. Безъ этой тактики пропадать надо!..

Тактика его заключалась именно въ томъ, что въ каждой такой статьѣ, которая, по его соображеніямъ, должна была подвергнуться строгой цензурѣ, онъ прибавлялъ, говоря его словами, «перцу елико возможно больше».

Какъ-то однажды въ минуту откровенности онъ рассказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ цензурѣ.

— Умѣніе нужно, да! Тактъ особый, хитрые маневры нужны въ обращеніи съ представителями цензорскаго самовластия. За носъ ихъ водить приходится, да, за носъ. Я цензора нашего не разъ такъ-то проводилъ и самымъ такимъ манеромъ,—возьму его за кончикъ носа и потащу, куда мнѣ нужно. Да. Какъ же съ нимъ иначе обращаться, если онъ по невѣжеству своему иного болѣе осмысленнаго обращенія не понимаетъ. И не разъ я самолично бывалъ свидѣтелемъ его дурацкаго положенія. Случалось, не часто положимъ, а все-таки случалось, входишь къ нему въ кабинетъ, а онъ морщится, хмурится, сидя за корректурнымъ листомъ. Извините, говоритъ, не могу статьи пропустить. Ну что жъ, какъ угодно, не можете—ваше дѣло. Отвѣчаю ему такъ сухо, нехотя, а самъ смотрю, что онъ дѣлаетъ съ корректурой, много ли вымаралъ, и соображаю про себя, уцѣлѣетъ ли то, что мнѣ хочется видѣть уцѣлѣвшимъ.—Да-съ, да-съ,—говоритъ,—не могу... Вотъ, если угодно, если вы, говоритъ, всё вотъ это, помѣщенное на первой гранкѣ, согласитесь выбросить,—тогда пропущу статью...—Ну, что съ вами дѣлать, будь по-вашему. Я согласенъ,—не въ комитетъ же вносить на проволочку, выпускъ книги задерживать. Извольте, говорю, короче дѣло.—Да-съ, это хорошо,—со вздохомъ подсказываетъ онъ,—въ комитетъ, говоритъ, конечно, дѣло задержится, и комитетъ тоже, сами знаете, не очень-то долюбливаетъ такія представленія. Я потому васъ и пригласилъ, чтобы прійти къ мирному соглашенію... Онъ милостиво улыбается, передаетъ мнѣ статью и жметъ руку, прощаясь, а того не замѣчаетъ, что я его уже заколдовалъ. Онъ исчеркалъ безжалостно статью, но того, что мнѣ нужно—не тронулъ, самый-то, значить, перецъ и остался въ ней. А почему онъ остался,—вотъ въ этомъ и секретъ. Потому, извольте видѣть, что я намѣренно одурачивалъ его,—и вотъ какъ: я передъ строками, которыя мнѣ хотѣлось видѣть уцѣлѣвшими въ статьѣ, преподносилъ ему на жертву строкъ пятнадцать или двадцать такихъ забористыхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли уцѣлѣть. И зналъ заранѣе, что онъ ихъ не пощадитъ, зато дальнѣйшія двадцать пять, изложенныя въ болѣе утонченномъ тонѣ, покажутся ему невинными—и пройдутъ. Вотъ съ какими приемами приходится пробираться черезъ цензорскія трущобы, чтобы проводить мысль въ общественное сознаніе!

Такъ рассказывалъ Благосвѣтловъ, мрачно хмурясь и поводя, какъ котъ, своими жесткими усами.

Извините. Я считаю нужнымъ дать нѣкоторое объясненіе къ словамъ Благосвѣтлова. Само собою понятно, что я не могу дословно припомнить все, что имъ было говорено о его тактикѣ въ отношеніяхъ къ цензурѣ, я передаю только суть его рѣчей и передаю въ той формѣ, въ какой онѣ теперь слагаются въ моей памяти. Дословно онѣ, можетъ быть, были болѣе рѣзки и болѣе выразительны и грубы. Замѣчу, онъ не былъ краснорѣчивъ, скорѣе — малоразговорчивъ и медлителенъ въ выраженіяхъ. Другое дѣло, когда онъ былъ не въ духѣ, — о, тогда онъ и кричалъ громко, и шипѣлъ по-змѣиному, и рѣчь его была не медлительная, вѣрнѣе сказать, злобная и порывистая, иногда сопровождаемая выразительными жестами, всего чаще размахиваніемъ въ воздухѣ крѣпко сжатымъ кулакомъ.

Нѣкто Моригеровскій, бывшій когда-то учителемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ Введенской прогимназіи, на имя котораго Благосвѣтловъ получилъ разрѣшеніе открыть типографію, восхищается, бывало, слушая строгія и ворчливыя рѣчи Благосвѣтлова.

— Влюбленъ я въ Григорія Евлампіевича, да-съ! Истинно скажу, влюбленъ! Свѣтлая голова и практикъ! Великій практикъ, на аршинъ въ глубь земли его опытный глазъ проникаетъ! Да-съ! Я, знаете,—рассказывалъ онъ, понизивъ тонъ рѣчи и приложивъ лѣвыя руки себѣ на грудь,—я далъ ему свою подпись на открытіе типографіи на мое имя, далъ безвозмездно, безъ всякаго съ его стороны вознагражденія. Я цѣню его очень высоко и искренно желаю успѣха въ дѣлахъ. Да-съ! Дѣятель онъ! общественный дѣятель! Правду сказать, такого рѣдкаго дѣятеля я не видывалъ, несмотря на то, что уже четвертый десятокъ лѣтъ околачиваюсь на бѣломъ свѣтѣ. Орелъ онъ, да-съ! Орелъ!..

Замѣчу однако, что восторженные рѣчи Моригеровскаго были все-таки не безкорыстныя, ибо хотя Благосвѣтловъ и бесплатно пользовался его именемъ при открытіи типографіи и бесплатно печаталась на книжкахъ журнала его фамилія, какъ собственника типографіи, но зато Благосвѣтловъ давалъ ему при журналѣ корректурную работу, а можетъ быть и кой-какія тайныя подачки, о которыхъ Моригеровскій, однакоже, упорно умалчивалъ.

Онъ былъ малорослый и тощій, говорилъ слабымъ голосомъ, носилъ темныя очки и нюхалъ табакъ. Иногда, недовольный какимъ-нибудь газетнымъ сообщеніемъ, онъ отбрасывалъ отъ себя газетный листъ, торопливо заряжалъ носъ табакомъ и, снова взявшись за газету, уныло произносилъ:

— Проклятіе!

Это было его обычное восклицаніе. Придетъ, бывало, къ кому-нибудь изъ знакомыхъ и, услышавъ, что его дома нѣтъ, унылымъ тономъ восклицаетъ: «Проклятіе!» Или попроситъ, случалось, займы рубль-другой и, получивъ отказъ, поспѣшно заряжаетъ носъ табакомъ и со вздохомъ проговорить:

— Проклятіе!

Забавная сторона этого восклицанія заключалась именно въ томъ, что онъ произносилъ его безъ гнѣва, даже безъ досады, а какимъ-то особенно грустнымъ тономъ.

Онъ былъ тоже, какъ и Благосвѣтловъ съ Благовѣщенскимъ, изъ духовнаго званія и при разговорѣ о томъ, почему онъ не пошелъ по слѣдамъ родителей, презрительно пожималъ плечами и, поправляя сползавшія съ носа очки, обычнымъ унылымъ тономъ отвѣчалъ:

— Не могу я, понимаете, я не могу итти по ложной дорогѣ. Къ чему я буду изображать изъ себя пастыря, когда этого самаго пастырства я вовсе не признаю. Вздоръ все, выдумки, да-съ!..

Понюхавъ наскоро табуку, онъ однажды какъ-то вдругъ особенно, воодушевился, торопливо поднялся со стула и, пародируя тотъ моментъ, когда священникъ во время литургіи воздымаетъ обѣ руки вверхъ, опустил на колѣна и, молитвенно поднимая руки, сталъ кощунственно передразнивать молящагося священника.

— Что это такое, а? Я васъ спрашиваю, къ чему это, а? Комедія все это, больше ничего. Воздымаетъ руки попъ, глаза возводитъ къ небесамъ, а зачѣмъ, спрашиваю, къ кому обращается? Никого тамъ нѣтъ и незачѣмъ продѣлывать эти штуки. Да-съ!.. Все сіе есть заблужденіе... Свѣту надо больше! Свѣту!..

— Другъ! — таинственнымъ шопотомъ передавалъ онъ мнѣ, сидя какъ-то вечеркомъ у меня на квартирѣ, — вы, другъ, имѣете обо мнѣ ложное понятіе. Вы такъ меня понимаете, что я только и дѣлаю, что мальчишекъ грамматикѣ учу да корректуру у Григорія Евлампіевича читаю. О, нѣтъ! Далеко не то я дѣлаю. Я не одну корректуру читаю. Да-съ! Я работаю. Я прежде всего гражданинъ и желаю служить родинѣ, желаю торжества правдѣ, уничтоженія зла! Да-съ!..

Онъ оглядывалъ черезъ очки комнату, желая удостовѣриться, плотно ли притворены двери, и, придвинувшись ко мнѣ поближе, шопотомъ добавилъ:

— Работаю, другъ, да-съ!.. За границу къ Герцену Александру Ивановичу отправляю статьи-съ! Услышу что-либо о правительственныхъ безобразіяхъ — и черкну. Вотъ каковъ я!..

И, наливъ себѣ не первый уже стаканъ пива, онъ прикладывалъ къ нему губами и самодовольно косилъ глаза на меня. Помѣщалъ ли Герценъ о сообщаемыхъ Моригеровскимъ «правительственныхъ безобразіяхъ» — не знаю, но самодовольное его созна-

ніе собственнаго достоинства при разговорѣ о Герценѣ помню и, какъ теперь вижу предъ собой его охмелѣвшіе отъ пива глаза, несмотря на то, что уже съ того времени протекло болѣе со-рока лѣтъ.

Таковы свойства старости: недавнее, то, что было вчера или недѣлю тому назадъ, забывается, а давно прошедшее воскресаетъ въ памяти съ необычайною ясностію.

Памятны мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ строкъ изъ «Русскаго Слова», помѣщенныхъ въ немъ Богъ вѣсть при какихъ условіяхъ. Самъ ли Благосвѣтловъ разрѣшилъ ихъ помѣстить, или положился на Моригеровскаго, а онъ, но небрежности, не обратилъ на нихъ вниманія, — объ этомъ я ничего положительнаго сказать не могу. Дословно всѣхъ этихъ словъ привести здѣсь тоже не могу, и теперь, живя въ далекомъ отъ Петербурга городкѣ, не имѣю возможности указать точно номеръ журнала и годъ его изданія. Памятно мнѣ только начало этихъ строкъ, помѣщенныхъ на послѣдней страницѣ книжки предъ объявленіями. Эти строки достойны вниманія, какъ доказательство невѣроятной распущенности литературныхъ нравовъ того времени. Теперь, положимъ, въ наше время встрѣчается въ литературѣ еще болѣшая безцеремонность, но — не о нашемъ времени рѣчь.

Былъ въ «Русскомъ Словѣ» сотрудникъ Соколовъ, военный человѣкъ. На какую-то его статью было напечатано въ «Современникѣ» возраженіе, какого содержанія, — не помню, но, видимо, обидное для Соколова. Онъ написалъ отвѣтъ «Современнику», который начинался слѣдующими словами: «Эй вы, хозяева «Современника», кто тамъ изъ вашихъ молодцовъ настрочилъ на меня шельмовскій пасквиль»... Дальше я не помню. Въ отвѣтѣ этомъ было около двадцати или пятнадцати строкъ. Сатирическій журналъ «Искра», иногда очень мѣтко осмѣивавшій вообще рѣзкій и задорный тонъ многихъ статей «Русскаго Слова», помѣстилъ на отвѣтъ Соколова «Современнику» замѣтку, въ заголовкѣ которой было напечатано: «Береги рыло», а дальше въ текстѣ — перефразировка словъ Соколова въ тонѣ еще болѣе рѣзкомъ, начинавшаяся тоже словами: «Эй вы, хозяева «Современника» и т. д.

Что за симъ послѣдовало между писателями, вызвавшими насмѣшку «Искры», — не помню. Можетъ быть, такъ дѣло и окончилось печатной перебранкой, но, можетъ быть, перешло и на кулачную расправу. Такіе случаи бывали. Нельзя же допустить, чтобы браунинги и бомбы такъ сразу, какъ говорится, ни съ того ни съ сего появились въ наше время въ рукахъ «сознательныхъ товарищей». Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, нужна, конечно, постепенность: сначала молодежь воспитывается на рѣзкихъ и бранныхъ статьяхъ въ печати, потомъ, попривыкнувъ къ

такому ея тону, начинаетъ и сама поругиваться отборными словами,—молодежь, разумѣтся, переимчива,—потомъ выступаетъ на первый планъ и личная расправа, а дальше доходить дѣло и до браунинговъ и до бомбъ и т. д. Таковъ неумолимый законъ жизни, и увы, забыта та вѣчная истина, что сѣющій вѣтры пожинаетъ бурю.

Изъ немалой кучки лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ редакціи «Рускаго Слова», памятны въ особенности два большерослыхъ широкоплечихъ семинариста, братья Луканины, появившіеся на службѣ у Благосвѣтлова. Они у него появились вскорѣ послѣ какой-то шумной его размолвки съ нѣкоторыми изъ сотрудниковъ журнала. Старшему, Юлію, Благосвѣтловъ поручалъ кой-какія дѣловыя по журналу справки и сношенія, а младшій,—имени его не помню,—болѣе рослый и широкоплечій, постоянно находился въ комнатѣ конторы журнала, ближайшей къ кабинету Благосвѣтлова. Причины приглашенія на службу къ себѣ этихъ рослыхъ богатырей Благосвѣтловъ не объяснялъ. Какъ-то однажды при разговорѣ о внушительныхъ размѣрахъ ихъ роста и плечъ онъ уклончиво промывалъ сквозъ зубы:

— Да, ребята ничего, надежные... Бѣдные они. Добрались изъ мрака семинарскаго застѣнка до Петербурга чуть не Христовымъ именемъ... Свѣта ищутъ!..

Таковъ былъ его отвѣтъ.

Моригеровскій, завернувшій какъ-то ко мнѣ подъ хмелькомъ, сообщилъ таинственнымъ шопотомъ о причинахъ появленія такихъ рослыхъ молодцовъ въ конторѣ журнала:

— Были непріятности съ сотрудниками, и крикъ велій въ кабинетѣ Григорія Евлампіевича... Гм... гм... Были сказаны и угрозы ему, — вотъ на этомъ основаніи и выросли въ дверяхъ кабинета два стражника. Въ этомъ дѣлѣ до нѣкоторой степени есть и вмѣшательство судьбы: заявили эти внушительнаго вида молодцы какъ разъ на другой день послѣ вспышки въ кабинетѣ. Появились,—просятъ работы. Ну, вотъ Григорій Евлампіевичъ и обрадовался, — сейчасъ же и снарядилъ ихъ на мѣста, съ тайнымъ, разумѣтся, внушеніемъ, если, молъ, кто-либо да что-либо, такъ дѣйствуйте, молъ, во всю. Да-съ! Кулачищи у обоихъ—молоты!.. Такіе великаны сократятъ грубости. Истинно говорю, глаза у нихъ, какъ у разбойниковъ!.. О, Григорій Евлампіевичъ большого ума человекъ, знаетъ, гдѣ что нужно! И повѣрьте, другъ,—иначе нельзя. Грубые у насъ нравы, жестокіе! Иной сотрудникъ ворвется въ контору звѣрь-звѣремъ,—чѣмъ его сократить, говоритъ, — губы дрожатъ отъ злости. Вотъ они два брата, киргизъ-кайсаки, и сократятъ его, такъ сказать, во мгновеніе ока.

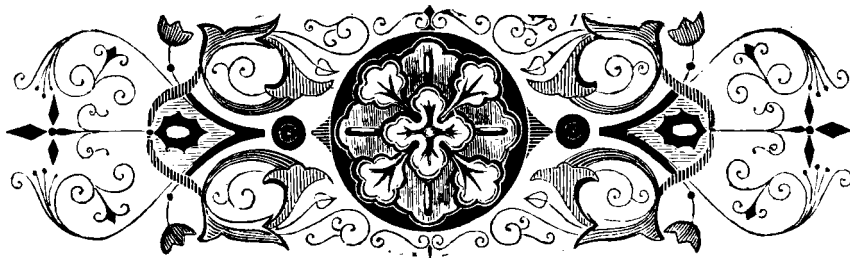
Таковы были литературные нравы въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Къ слову сказать, Благосвѣтловъ, несмотря на свои постоянныя жалобы «на цензорскій гнетъ», на траты, производимыя напрасно за наборъ статей, будучи при началѣ изданія журнала безъ гроша въ карманѣ, оставилъ сей тлѣнный міръ собственникомъ, имѣвшимъ каменный домъ въ Петербургѣ на Надеждинской или гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ ней!

Дописались журналисты описываемаго шумнаго времени, наконецъ, до того, что «Русское Слово» и «Современникъ» были закрыты по распоряженію правительства. Замѣчу кстати, лазейка для выхода изъ труднаго положенія издателей была ими найдена и добродѣтельнымъ начальствомъ допущена, разумѣется, на основаніи статей свода законовъ, приложений къ нимъ и примѣчаній, на коихъ, какъ на трехъ китахъ, лежащихъ въ основаніи міра, заждется благополучіе россіянъ. Благодаря этимъ статьямъ, приложениямъ и примѣчаніямъ, «Русское Слово» переименовалось въ «Дѣло», «Современникъ» въ «Отечественныя Записки». Но не то удивительно, что издатели, Некрасовъ и Благосвѣтловъ, нашли такую лазейку для выхода изъ безвыходнаго положенія, а удивительно главнымъ образомъ, что лица, стоявшія у власти, не замѣчали или не хотѣли замѣчать, что издатели разыгрываютъ, такъ сказать, водевиль съ переодѣваніемъ...

Д. И. Стахѣевъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И Н. Н. СТРАХОВЪ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

ВЪ ЯНВАРСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ напечатаны «Листки воспоминаній» Д. И. Стахѣва, подъ заглавіемъ: «Группы и портреты». Въ этихъ «Листкахъ» упоминается о поѣздкѣ Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова, въ концѣ семидесятихъ годовъ, въ Оптиную пустынь, монастырь подъ г. Козельскомъ, а также и другихъ нашихъ писателей (Ф. М. Достоевскаго и В. С. Соловьева), бывавшихъ въ монастырѣ вслѣдъ за ними. Д. И. Стахѣву, какъ знакомому съ русской литературой, конечно, извѣстно, что въ Оптиной пустыни и прежде того бывали извѣстные русскіе писатели и нѣтъ ничего удивительнаго, что Толстой и Страховъ вздумали съѣздить туда.

Особенно близокъ былъ къ Оптиной пустыни извѣстный И. В. Кирѣевскій ¹⁾, на взгляды котораго оптинскіе старцы имѣли большое вліяніе; по ихъ совѣту онъ и принялся за чтеніе твореній отцовъ церкви. Это было извѣстно Страхову, а потому догадки автора «Листковъ» — зачѣмъ ѣздили въ монастырь оба названные писатели, — излишни.

Н. В. Гоголь также въ 1850 г. былъ въ Оптиной; объ этомъ упомянуто во второмъ томѣ «Записокъ о жизни Гоголя» П. Ку-

¹⁾ И. В. Кирѣевскій, также какъ и его братъ П. Кирѣевскій, похороненъ въ Оптиной.

лиша, а въ письмахъ Гоголя, изданныхъ В. Шенрокомъ (именно IV т.) напечатано письмо Гоголя къ графу А. П. Толстому изъ деревни, въ которомъ авторъ «Мертвыхъ Душъ» пишетъ о глубокѣмъ впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ монастыремъ и скитскимъ богослуженіемъ. Въ «Запискахъ» Кулиша также говорится, что Гоголь находилъ, что монастыри имѣютъ благое вліяніе на нравы окрестнаго крестьянскаго населенія. Бывалъ въ Оптиной и поэтъ А. К. Толстой. Все это было извѣстно болѣе или меньше и Л. Н. Толстому, который много хорошаго слышалъ про Оптину отъ рабочихъ.

Странно, что этого не знаетъ Д. И. Стахѣевъ, жившій съ Страховымъ долгое время (какъ онъ самъ пишетъ, 18 лѣтъ) на одной квартирѣ, т. е. съ общимъ входомъ; но Страховъ жилъ въ своихъ комнатахъ совершенно самостоятельно, имѣя особую прислугу и свой кругъ знакомыхъ. Страхова этотъ монастырь интересовалъ и онъ меня о немъ разспрашивалъ, зная, что я съ дѣтства въ немъ бывалъ.

Невѣрное и довольно туманное описаніе этой поѣздки (самъ г. Стахѣевъ, какъ онъ пишетъ, никогда въ Оптиной не былъ) заставляетъ меня представить болѣе точное описаніе этой поѣздки—я былъ въ Оптиной нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда писателей и слышалъ отъ самого Страхова рассказы о ней. Я имѣю, кромѣ того, болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ всѣхъ упомянутыхъ писателей къ Оптиной: мнѣ приходилось говорить о ней съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Л. Н. Толстымъ.

Лѣтомъ 1877 г. Толстой и Страховъ пріѣхали въ Оптину изъ Ясной Поляны въ дорожномъ тарантасикѣ, въ самой скромной обстановкѣ, причемъ Толстой, желая, чтобы его не узнали въ монастырѣ, говорилъ, что надо остановиться въ простонародной гостиницѣ. Дорогой онъ рассказывалъ, что много слышалъ отъ народа про старца Абросима (о. Амвросія) и желаетъ его видѣть, да и вообще познакомиться съ бытомъ монастыря. Остановились они въ гостиницѣ у о. Теоکتиста, но этотъ гостиничникъ оказался бывшимъ крѣпостнымъ Толстыхъ. Онъ призналъ Льва Николаевича, что доставило обоимъ немалое удовольствіе и вызвало дружеское чаепитіе, на что послѣ нѣсколькихъ отказовъ согласился гостиничникъ, говоря, что это не въ обычаѣ, но что онъ отъ радости видѣть своего барина готовъ съ нимъ пить чай.

За чаемъ Л. Н. сталъ разспрашивать о монастырскихъ порядкахъ и Амвросіи.

— Любвеобильный у насъ старецъ, всѣмъ доступный, хотя и болѣзненный,—говорилъ о. Теоکتистъ:—народъ въ немъ находитъ большое утѣшеніе въ скорбяхъ, и вы, графъ, то же испытаете, если обратитесь къ нему съ вѣрой.

По монастырскому обычаю о вновь пріѣзжихъ было доложено настоятелю, которымъ въ то время былъ игуменъ Исаакій.

На другой день, послѣ обѣдни, гостиничникъ проводилъ Л. Н. Толстого въ скитъ къ о. Амвросію, у котораго онъ и пробылъ болѣе часа. По словамъ Страхова, старецъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Толстого, который затѣмъ посѣтилъ другихъ иноковъ монастыря и былъ между прочимъ у архимандрита Ювеналія ¹⁾, жившаго въ пустыни на покоѣ, бесѣдовалъ съ богомольцами и заглянулъ въ монастырскія хозяйственныя службы.

— Ювеналій человекъ умный и образованный, но такихъ встрѣчаешь и въ свѣтѣ, а я до такихъ не большой охотникъ,—говорилъ Толстой Страхову.—Амвросій же удивительный человекъ,—и совѣтовалъ своему спутнику побывать у него. Онъ также познакомился съ о. Пименомъ, звавшимся Толстого «Левушкой» и, по словамъ Страхова, понравился ему простотою обращенія и просто-сердечіемъ. Толстой слышалъ о немъ отъ бабъ-богомолокъ.

Пименъ (прежде маляръ) былъ одинъ изъ монастырскихъ духовниковъ, весьма любимый народомъ.

На другой день Толстой со Страховымъ пошли въ скитъ къ о. Амвросію, видѣли собиравшихся къ хибаркѣ (пристройкѣ къ кельѣ старца, выходившей за ворота скита; богомольцевъ-женщинъ въ скитъ не пускаютъ) и пробыли у старца тоже около часа. Говорилъ съ нимъ одинъ Л. Н., а Страховъ слушалъ и наблюдалъ.

О. Амвросій совѣтовалъ Толстому говѣть въ монастырѣ, т. е. исповѣдаться и приобщиться.

— Вы вѣдь давно не дѣлали этого.

Толстой наканунѣ самъ сказалъ это старцу. О. Амвросій сталъ объяснять значеніе таинствъ въ жизни, напомнивъ слова Евангелія объ искушеніяхъ, постигающихъ человека, ищущаго вѣры и весьма настойчиво говорилъ о необходимости смиренія для христіанина, а затѣмъ вдругъ, обратившись къ молчавшему Страхову, сказалъ: «Наша философія не та, которой вы занимаетесь; мою переписку ведетъ о. Климентъ, онъ человекъ ученый, я васъ съ нимъ познакомлю». Позвалъ о. Климента, а самъ ушелъ къ народу въ хибарку ²⁾.

Совѣтъ Амвросія говѣть былъ принятъ Толстымъ, который сталъ ходить къ церковной службѣ, но пріѣхалъ нарочный изъ Ясной Поляны съ извѣстіемъ, что одинъ изъ его дѣтей заболѣлъ, и онъ поспѣшно собрался домой, но зашелъ однако предварительно къ о. Амвросію. Послѣдній говорилъ ему, что болѣзнь ре-

¹⁾ Архимандритъ, въ мѣрѣ Половцевъ, былъ впоследствии архіепископомъ литовскимъ.

²⁾ О. Климентъ, магистръ московскаго университета, ученикъ Грановскаго, Кудрявцева, П. Леонтьева, знатокъ древнихъ языковъ. Сынъ нѣмецкаго пастора въ Москвѣ—въ мѣрѣ Константинъ Карловичъ Зедергольмъ—принялъ православіе и постригся въ монахи въ Оптиной. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Кирѣевскимъ, служилъ въ синодѣ и былъ на Афонѣ.

бенка не серьезна и, вернувшись, онъ найдетъ его здоровымъ, а самого его ждетъ уныніе и тоска, если онъ не будетъ говѣть въ монастырѣ. Толстой обѣщалъ говѣть въ деревнѣ и уѣхалъ. Дома онъ дѣйствительно нашелъ ребенка почти совсѣмъ здоровымъ, а самъ впалъ въ уныніе и тоску, постепенно возраставшія. Дѣло доходило до того, что, когда онъ уходилъ въ лѣсъ, за нимъ посылали смотрѣть.

Все это я слышалъ отъ Страхова.

Пріѣхалъ я въ Оптину нѣсколько дней спустя послѣ ихъ отъѣзда; я интересовался знать, какое впечатлѣніе они вынесли и что дѣлали въ монастырѣ.

О. Климентъ, котораго я давно зналъ и любилъ за его расположеніе ко мнѣ, — онъ былъ человѣкъ душевный и правдивый, — сообщилъ слѣдующее: «Толстой и Страховъ были у насъ и посѣтили батюшку (т. е. о. Амвросія), первый былъ у него нѣсколько разъ.

«Старецъ съ прискорбіемъ смотритъ на его дѣятельность особенно въ будущемъ; сердце его ищетъ вѣры, а въ мысляхъ путаница; онъ слишкомъ полагается на свой умъ и большой раціоналистъ. Страховъ же книжникъ; книги его болѣе всего интересуютъ. Онъ спрашивалъ меня объ Аѳонѣ, его болѣе всего занимаютъ тамошнія книгохранилища и древніе списки Евангелія.

«Конечно, это имѣетъ значеніе для опредѣленія времени составленія книгъ Новаго Завета, но вѣдь духовная жизнь подвижниковъ Святой Горы предметъ достойный любознательности.

«Толстому, кажется, особенно полюбился о. Пиментъ, хотя онъ ему, по простотѣ, разъ сказалъ при постороннихъ: «Ахъ, Левушка, Левушка, много и красно ты толкуешь, да все пустое, лучше бы ты о душѣ своей подумалъ, вѣдь она у тебя одна¹⁾». Увидите батюшку, онъ вамъ скажетъ, что думаетъ о нашихъ гостяхъ.»

О. Амвросій, когда я его спросилъ о. Л. Н. Толстомъ, вздохнулъ и, задумавшись, сказалъ мнѣ слѣдующее: «мудреный онъ человѣкъ: сердце ищетъ Бога, а въ мысляхъ путаница и невѣріе. Гордъ онъ очень, духовной гордостью. Много вреда онъ сдѣлаетъ своимъ произвольнымъ и суемудрымъ толкованіемъ Евангелія, которое, по его мнѣнію, никто до него не понималъ, но на все воли Божія».

Старецъ погрузился въ раздумье.

— Н. Н. Страховъ, — замѣтилъ я, — можетъ имѣть на него доброе вліяніе. — Такъ я думалъ, основываясь на томъ, что Страховъ всегда говорилъ о религіи съ уваженіемъ.

— Ну, нѣтъ, — живо возразилъ о. Амвросій: — Страховъ человѣкъ закоснѣлый, невѣріе его глубже и крѣпче.

¹⁾ То же я слышалъ въ монастырѣ и отъ другихъ; сказалъ это, кажется, Пиментъ за обѣдомъ у игумена.

Послѣ этого зашелъ я къ Клименту и передалъ ему мой разговоръ. «Батюшка мнѣ говорилъ то же самое,—отвѣтилъ онъ.—Много бѣдъ предвидитъ онъ отъ Толстого, который можетъ оказать большое вліяніе на умы, а Страхова считаетъ человѣкомъ отпѣтымъ, для котораго вѣра только поэзія». По мнѣнію старца, Страховъ вліянія на Толстого не имѣетъ, скорѣе наоборотъ, это его справочная книга. О Климентъ говорилъ о Толстомъ съ большимъ соболѣзнованіемъ; произведенія его онъ читалъ и особенно хвалилъ новѣсть «Дѣтство». Соблазны должны прійти, но горе чловѣку, который соблазняетъ малыхъ сихъ, а Толстой желаетъ учить народъ, хотя самъ страдаетъ духовной слѣпотой. Виногато то воспитаніе, которое онъ получилъ и которое идетъ отъ западныхъ энциклопедистовъ.

Въ Петербургѣ, когда я увидѣлъ Н. Н. Страхова—я его засталъ одного—я, конечно, заговорилъ объ Онтинѣ, передавъ ему то, что слышалъ. Страхова, видимо, поразилъ отзывъ о немъ старца, молча крутилъ онъ папиросу и, закуривъ, сталъ ходить, что у него было не въ привычкѣ. «Да вѣдь, я, кажется, съ о. Амвросіемъ мало о чемъ и говорилъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Черты его лица мнѣ показались схожими съ бюстомъ Вольтера Гужона, хотя выраженіе ихъ другое. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать Исаака Сирина, духовнаго наставника монаховъ и великаго душевѣдца, по его словамъ, и подарилъ какую-то брошюрку, въ которой передаются разговоры Ермія съ языческими философами—но это дѣтская книжка, а серьезнаго разговора съ Амвросіемъ у меня не было.»

Н. Н. Страховъ умѣлъ обходить прямые разговоры о религіи. Я съ нимъ часто видѣлся во второй половинѣ 1880-хъ годовъ ¹⁾, когда Страховъ, ѣздившій въ это время въ Константинополь и на Аѳонскую гору, помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью о своемъ путешествіи.

Въ этой статьѣ онъ тонко и мягко осмѣиваетъ пароходную публику, удивляющуюся, какъ онъ, писатель и чловѣкъ науки, ѣдетъ въ монастырь, «а монастыри,—улыбаясь, говорилъ Страховъ,—несомнѣнно, кое-что значать въ духовной жизни народовъ. Это мнѣніе я вынесъ изъ моей поѣздки въ Оптину».

Л. Н. Толстой, котораго я видѣлъ въ Москвѣ (я былъ у него въ Хамовническомъ переулкѣ послѣ смерти Страхова въ самомъ концѣ 1890 годовъ), говорилъ, что его всегда удивляло, что Страховъ, чловѣкъ научно-образованный, отличный стилистъ и безспорно умный чловѣкъ, такъ мало оказывалъ вліянія на русское общество, что, вѣроятно, происходило оттого, что онъ былъ равнодушенъ къ вопросамъ религіи.

¹⁾ Познакомился я со Страховымъ въ концѣ 1860 годовъ, когда онъ фактически былъ редакторомъ изд. Кашиеровскимъ ежемѣсячнаго журнала «Заря».

Дѣйствительно, какъ я убѣдился во время болѣзни Страхова (у него былъ ракъ въ полости ушей и на языкѣ, ему дѣлали операцію), онъ былъ человѣкъ невѣрующій, хотя думалъ, что религія нужна для народа. Мягкій и кроткій, онъ сильно раздражился, когда я упомянулъ о священникѣ передъ операціей, и скончался безъ церковнаго напутствія.

Г. Стахѣевъ описываетъ довольно подробно посѣщеніе Страховымъ и Толстымъ въ Оптиный одного старца-схимника и при томъ въ легкомъ и шутливомъ тонѣ. Можно подумать, что рѣчь идетъ о старцѣ Амвросіи, который будто бы тщеславился, что у него братъ генералъ; авторъ не называетъ старца по имени. Но это не такъ. Описаніе наружности старца (тусклый взглядъ и т. д.) и всей обстановки его быта говоритъ объ этомъ.

Можно думать, что это былъ старецъ-схимникъ, описанный Достоевскимъ въ романѣ «Братья Карамазовы».

Вл. Соловьева въ Оптиный я не видѣлъ такъ же, какъ и Д. И. Стахѣевъ, предположенія котораго, какъ держали себя въ монастырѣ оба эти писатели, едва ли не ошибочны и во всякомъ случаѣ гадательны.

По крайней мѣрѣ Достоевскій самъ мнѣ говорилъ, что многому научился въ монастырѣ и что старецъ Зосима и обычай старчества въ романѣ «Братья Карамазовы» взяты имъ изъ Оптиной.

— Когда я писалъ о. Зосиму,—прибавилъ онъ:—то имѣлъ въ виду Амвросія.

Изъ этого можно заключить, что Достоевскій въ Оптиной не поучалъ только и кое-чему учился.

Вл. Соловьевъ во время бесѣдъ съ оптинскими богословами, вѣроятно, не читалъ какую-нибудь книгу, какъ предполагаетъ Д. И. Стахѣевъ ¹⁾, а много говорилъ и спорилъ, и его называли даже орломъ, хотя старецъ Амвросій не одобрялъ его взглядовъ на христіанство, находя въ нихъ много произвольнаго,

К. Н. Леонтьева я много разъ видѣлъ въ Оптиной и могу положительно сказать, что въ Оптиной онъ держалъ себя не какъ учитель, да къ тому же онъ проживалъ въ монастырѣ въ качествѣ послушника. Надо знать монастырскій бытъ и правила въ такой строгой обители, какъ Оптина пустынь, чтобы писать о ней.

Л. Н. Толстой былъ нѣсколько разъ въ Оптиной при жизни о. Амвросія и каждый разъ навѣщалъ старца.

Одинъ разъ онъ былъ въ монастырѣ въ крестьянской одеждѣ съ своимъ конторщикомъ, который и описалъ эту поѣздку въ журналѣ «Недѣля» ²⁾.

¹⁾ Онъ это предполагаетъ на томъ основаніи, что Соловьевъ, человѣкъ разсѣянный и страдавшій глухотой, во время разговоровъ у знакомыхъ часто углублялся въ чтеніе попавшейся ему книги.

²⁾ Т. е. въ прибавленіяхъ къ ней.

Другой разъ былъ съ семействомъ, посѣтилъ Леонтьева, много съ нимъ спорилъ объ Евангеліи, бесѣдовалъ наединѣ съ о. Амвросіемъ, выходя отъ котораго говорилъ, что онъ «растроганъ»— это мнѣ рассказывали нѣкоторые очевидцы.

По словамъ старца Амвросія (это подтверждаютъ бывшіе у него монахи и письмоводитель Е.), Л. Н. Толстой, входя къ нему въ келью, подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ у него руку, но этого не сдѣлалъ, уходя, потому что огорчился, когда старецъ посовѣтовалъ ему печатно отказаться отъ своихъ заблужденій.

Сестра Толстого, монахиня, въ настоящее время живетъ въ Шамординской женской обители, въ 17 верстахъ отъ Оптиной, основанной о. Амвросіемъ; Толстой нѣсколько разъ былъ у сестры, и она, конечно, могла бы сообщить многое объ отношеніяхъ своего брата къ Оптиной.

Павелъ Матвѣевъ.

